Дамочка с фантазией

Автор:
Елена Арсеньева

Дамочка с фантазией

Елена Арсеньева

В каких только переделках не побывала известная своей скандальной репутацией писательница Алена Ярушкина: бродила по публичным домам для богатых дам, прыгала с балконов, правдами и неправдами забиралась в вертолет МЧС. Вот и на этот раз она умудрилась попасть в очередную историю – проснулась в одном купе с обнаженным мужчиной. Все бы ничего, вот только мужчину этого она никогда не видела раньше. Но это еще не самая большая беда. Гораздо хуже то, что незнакомец мертв, он убит… судя по всему, именно Аленой. Через несколько минут после этого открытия человек в форме железнодорожника на полном ходу выбрасывает Алену из поезда. Ее спасение можно отнести к разряду чудес. И немало, ох немало утечет крови и воды до той минуты, пока она отыщет концы обвивших ее веревок…

Елена Арсеньева

Дамочка с фантазией

У каждой зверушки свои игрушки.

Поговорка

Просыпаюсь с трудом. Как бы даже и не просыпаюсь, а выбираюсь из-под какого-то гнета. Не то глубокая, тяжелая вода, не то пуховая перина – рыхлая, жаркая. Выбираюсь из-под нее – сначала тело, потом сознание – медленно и печально.

Господи, голова, голова-то как болит! Яду мне, яду…

Душно. С трудом сажусь, с трудом удерживаю равновесие. Меня почему-то мотает из стороны в сторону, и все то неясное, смутное, очертания чего я с грехом пополам различаю в темноте, качается вместе со мной. Вдруг издалека доносится пронзительный, протяжный, вот уж правда что – истошный! – вопль, достигает своего пика и уносится куда-то вдаль. Полное впечатление – мимо пронеслось какое-то орущее, словно до смерти напуганное чудовище, промчалось со всех ног или лап, опутав меня тем же ужасом, который испытывало само. Древний ужас, необъяснимый и неуемный.

Прижимаю руку к груди, утихомиривая трепыхающееся сердце.

Ой, как мне плохо… Тошно, муторно, мысли беспорядочно скачут, бестолково, панически мечутся. Мыслям тоже страшно, и прежде всего потому, что они никак не могут осознать, кому они принадлежат, в чьей голове трепыхаются.

Я не помню себя. Я не знаю, кто я.

Среди царящей в моей голове сумятицы ни с того ни с сего прорисовывается вполне четкая догадка: это никакое не чудовище пронеслось мимо в темноте. Это пролетел встречный поезд!

Встречный поезд… чему он был встречный? Надо полагать, тому поезду, в котором нахожусь я.

Так, кажется, что-то начинаю понимать.

Я ощупываю руками полуразличимые предметы вокруг. Подо мной сбившийся матрас и скомканная простыня. Под всем этим – кожаная полка. Точно, я в купе поезда! Сбоку на стене – неудобная сетка для вещей, крючок для полотенца и металлический поручень, через который перекинуты какие-то шерстяные тряпки.

А впрочем, зря я так. Это не тряпки, а мои вещи. Мои брюки и мой свитерок. Любимый свитерок из любимого итальянского магазина «Гленфилд». С необычайной, просто-таки ослепительной ясностью передо мной возникает

воспоминание о том, как я этот свитерок покупала. Три дня ходила, к нему присматривалась: не поднималась рука выложить две тысячи рубликов. С одной стороны, на себя, любимую. С другой – с деньгами сейчас не бог весть как свободно, а до нового гонорара еще жить да жить. Сомнения мои разрешил возмущенный вопль продавщицы, которой я пожаловалась, дескать, дороговатая вещичка, не стоит она того.

– Не стоит?! Да вы посмотрите, сколько она до уценки стоила!

И продавщица показала мне этикетку, где значилось две тысячи девятьсот рублей.

Это и решило дело: я устыдилась своего скопидомства и купила свитерок – чудный, серо-бежевый, любимого моего оттенка, такая плотная, теплая «лапша»…

Какое-то время я тупо всматриваюсь в это воспоминание: оно не имеет для меня в данный момент ровно никакого значения. Понятно, почему я так к нему прицепилась: это хоть какая-то конкретика моей прошлой жизни! Доказательство того, что я не появилась на свет вот здесь и сейчас, в этом темном купе. С раскалывающейся от боли головой, пересохшим ртом, с тошнотой, подбирающейся к горлу, с прыгающим сердцем. Не в силах осознать, как я здесь оказалась, а главное, кто я и как меня зовут.

Если на перекладине висят мой свитерок и мои шерстяные брюки, значит, еще холодно. Видимо, зима или ранняя весна. Куда я могла направиться на поезде в такое время года? Почему при воспоминании о покупке свитера в голове возникла мысль о гонораре? Гонорар платят творческим людям… я что, творческий человек? Видимо, да. Но что я, так сказать, творю?

Спросите что-нибудь полегче.

Я берусь обеими руками за виски, в которые изнутри так и бьют трассирующие очереди боли, и сжимаю голову как можно крепче. Вспомнить ничего не вспоминаю, однако прорезается еще одна вполне отчетливая и разумная мысль: а чего это я сижу в темноте? Ведь можно включить свет. Я огляжусь, посмотрю на себя в зеркало – может, и вспомню что-нибудь о себе, как выше было сказано, любимой. А если не вспомню – то найду сумку и загляну в паспорт. Там-то уж

наверняка написано, кто я и что! Глядишь, и насчет творческой личности выяснится хоть что-нибудь.

Свет. Включить свет.

Рука совершенно рефлекторно тянется к изголовью. Там прикреплен маленький плафончик. Наверное, я довольно часто ездила в поездах, если так уверенно нашла источник света.

Ох, ну почему ж так болит голова и тошнит? Не пьянствовала же я накануне, в самом-то деле!

Щелкаю выключателем и при не слишком-то ярком свете озираюсь.

Ба-тюш-ки… Неужто пьянствовала-таки?!

Столик загроможден бутылками: шампанское, коньяк, водка, вино какое-то. Тупо смотрю на этикетку. «Ночь нежна». Но ведь это роман Фицджеральда так называется, при чем тут вино?! Какая пошлость, однако…

Рядом с бутылками два пластиковых стаканчика: в одном на донышке плещется коньяк, в другом, том, что стоит вблизи от меня, – темно-розовая жидкость. Так вот ты какая, «Ночь нежна»! Если стакан стоит с моей стороны, подразумевается, я из него пила? Не помню такого. Перед тем, как лечь спать, сделала несколько глотков «Саровской» минералки, огорчившись, что она не газированная. Было похоже, что просто вода из-под крана. Но я ее выпила, куда ж деваться, потому что она входила в состав моего продуктового набора. Ну да, в СВ теперь принудительно кормят на ночь, из-за чего билеты стали еще дороже. Я поехала в СВ, потому что больше билетов не было, а мне непременно понадобилось сегодня уехать из Нижнего в Москву…

Я радуюсь новому воспоминанию, но как-то мельком, мимоходом, мимоездом.

Мимоездом – вот именно!

Взгляд мой перебегает со столика, на котором, кроме бутылок, стоит блюдо с какой-то ресторанной нарезкой (остро пахнет копченой рыбой, от чего меня

начинает мутить еще сильней), к противоположной полке. На ней лежит очень странный человек.

Это мужчина. Я вижу все его плотное, напряженно вытянутое тело с волосатым торсом и ногами. Он совершенно голый – вот в чем странность! Вовсе голый, даже без плавок. Света, конечно, не очень много, но я отчетливо вижу то, что обычно принято скрывать. От этого, между прочим, принято отворачиваться, но я сижу, как дура, и пялюсь на вышеназванное. Приходилось мне видеть этот орган и раньше, никаких открытий я тут для себя не сделала и все же не могу понять, отчего он так непотребно выглядит…

Бог ты мой, да на нем же презерватив! Наполовину сползший.

Стыдливо отвожу глаза, смотрю на загроможденный столик, на смятые билеты – мой и моего попутчика, – только чтобы не пялиться на этот дурацкий презерватив.

Вот уж правда дурацкое зрелище. Этот человек, похоже, до такой степени устал после, что даже не смог снять изделие номер два…

Так, минуточку! А с кем он, интересно знать, так уж сильно устал после?.. Кто была та, которую здесь, в двухместном купе, в присутствии женщины, спящей на соседней полке (то есть меня), мой сосед, фигурально выражаясь, имел?

Чисто рефлекторно осматриваю свое собственное тело. Потом, не поверив глазам, на всякий случай ощупываю себя.

Я сижу, едва прикрытая простыней, но под ней на мне и нитки нет! Я такая же голая, как мой сосед по купе!

Так это что? Я с ним, то есть он со мной, то есть мы вместе?!

Обвожу безумным взором – обезумеешь тут! – купе и обнаруживаю на полу две скомканные тряпочки: это мои трусики и лифчик. Тут же валяется мятая трикотажная маечка. Напяливаю все это на себя, потом вскакиваю в брюки, натягиваю свитер. Ощупью нахожу под полкой сапоги со всунутыми в них носками. Надеваю носки. Проделываю все это со страшной скоростью, не сводя

глаз с неподвижного тела.

С каждой минутой созерцание его пугает меня все больше. Дело в том, что я вижу всего этого мужчину, но не вижу его лица. Он лежит полуотвернувшись, прикрыв голову подушкой.

Какое-то время я сижу на своей полке (одетая!), потом решаюсь: рывком наклоняюсь к мужчине и сдергиваю подушку – она почему-то кажется мне очень тяжелой! – с его головы.

И тут же отшатываюсь, снова падаю на полку и утыкаюсь лицом в колени, чтобы не видеть жуткого зрелища, открывшегося мне. Но эта картина так и стоит перед глазами. У него размозжено лицо. Похоже, что кто-то с силой ударил ему по переносице тяжелым предметом. Убил или тяжело ранил. А потом… потом закрыл лицо подушкой. И, видимо, довершил начатое убийство. Мой сосед мертв.

Подушка тяжелая потому, что она впитала кровь из жуткой раны на лице. Этого и добивался убийца.

Стоило представить, что в этом купе недавно был человек, зверски убивший себе подобного, как меня начинает трясти.

Так, стоп. Он прикончил моего соседа, но не тронул меня… пожалел? Или ему нужен был один конкретный мертвец? Может быть, это акт мести?

Ну ладно, этот акт свершен. А куда девался мститель потом?

Вышел в коридор, куда еще!

Я смотрю на дверь. Фиксатор замка повернут. Находится в горизонтальном положении. Значит, дверь закрыта изнутри. То есть убийца никуда не мог выйти.

Он все еще здесь!

Где? Где он?

Озираю крохотное пространство купе. На всякий случай даже заглядываю на верхнюю багажную полку. Разумеется, там никого. С усилием подавляю совершенно кретинское желание поднять свою полку и посмотреть, не прячется ли кто-то под ней, в ящике для вещей. Но там поместится разве что собака средних размеров…

И тут я вижу пивную бутылку. На ней этикетка – «Клинское». Бутылка – закрытая, между прочим, – лежит на моей сбившейся простыне, возле моей подушки, которая нелепо высовывается из наволочки, потому что слишком велика для нее, как все казенные подушки на свете.

Да бог с ними, с казенными подушками. Я смотрю на бутылку. Ее донышко покрыто какой-то темной массой. А на простыне – красные потеки.

Мне понятно – именно этой бутылкой был убит мой сосед по купе.

Бутылка – орудие убийства. Но – кто убийца?! Кто сделал это?

Я снова оглядываюсь, стараясь не смотреть на голое тело, лежащее напротив.

В купе никого нет, кроме нас двоих: живой женщины и мертвого мужчины. Дверь закрыта изнутри. Так что – выходит, мужчину убила женщина? Выходит, его убила я?!

Я – Алена Ярушкина?

В этот жуткий миг я вспоминаю свое имя, возраст, адрес и почему ко мне имеют отношения слова «гонорар» и «творчество». Я вспоминаю своего мужа Михаила (вернее, бывшего мужа, ибо мы недавно расстались), и своего любовника, и своего любимого (это разные люди, прошу не путать), даже вспоминаю, зачем поехала в Москву. Я только не могу припомнить, как убила этого человека.

Более того! Я не помню, чтобы видела его хоть когда-нибудь, хоть раз в жизни, пила с ним коньяк и вино «Ночь нежна», спала с ним и била его пивной бутылкой. Тем более я вообще не пью пиво, я ненавижу пиво, любое, в том числе и «Клинское».

Я никого не убивала.

Но купе закрыто изнутри. И кроме меня, здесь никого нет.

Получается, кроме меня, сделать это было некому.

Картотека

«ПОГОДИТЕ, НЕ ЗАРЫВАЙТЕ!

Как известно, пляжные спасательные станции закрываются с окончанием купального сезона, осенью. Однако их сотрудникам приходится заниматься спасением людей и зимой – порою совершенно для себя неожиданно.

Николай Филиппов, начальник спасательной водной станции «Щелковские озера», что расположена на любимом всеми нижегородцами Щелковском хуторе, вывел вечером на прогулку свою лайку Нику. Надо сказать, что Филиппов живет на улице Рокоссовского – то есть не слишком далеко от непосредственного места работы. Хозяин и его собака шли по тропинке, как вдруг Ника бросилась к зарослям кустов и принялась яростно раскапывать снег.

– Ну-ка, что у тебя тут? – поинтересовался Филиппов, включая карманный фонарик. – Никак что-то нашла?

Он посветил – и ахнул, увидев лежащего в сугробе человека. Инстинкт спасателя сработал мгновенно: Филиппов начал раскапывать снег. Ника помогала ему всеми четырьмя лапами. Николай нащупал пульс – человек, это оказался мужчина, был еще жив! Тогда по мобильному телефону Филиппов вызвал «Скорую», а заодно позвонил соседу, который выгуливал свою лайку Норну (уточним – дочь филипповской Ники) неподалеку. Вдвоем они подняли мужчину на руки и понесли к рубежу Щелковского массива, к гаражам, куда и подъехала «Скорая помощь», на сей раз, к счастью, оправдавшая свое название.

Спасенного погрузили в машину и повезли в больницу. А Филиппов, его сосед и две собачки отправились продолжать прогулку.

На этой благостной ноте можно было бы и закончить повествование, однако вот какая деталь: когда наш корреспондент отправился брать интервью у спасенного, в Пятой градской больнице, куда он был доставлен, его не оказалось. Молодой человек исчез загадочным образом, лишь только придя в себя и получив первую, самую необходимую, помощь. Документов у него не было никаких, имя, фамилию, адрес он указал вымышленные. В приемном покое парень о случившемся рассказал следующее: ему 20 лет, он студент химико-биологического факультета, живет неподалеку от Щелковского массива. Пошли гулять с приятелями, выпивали на ходу. Видимо, выпивали крепко, если парень отстал, заблудился и упал, подвернув ногу, а приятели побрели себе дальше, даже не заметив этого. Встать не было сил, парень надеялся, что дружки вернутся за ним. В полубеспамятстве он подгреб к себе снег и не заметил, как уснул.

Его счастье, что выдался довольно теплый день!

Однако врач «Скорой помощи» Алексей Хромов, доставивший спасенного в больницу, в доверительной беседе с нашим корреспондентом добавил, что эту версию случившегося парень выдал, уже придя в сознание, а прежде чем окончательно очнулся, еще в машине, он панически стонал:

– Не надо, я все наврал! Я вам ничего не давал! Не былоникакого Берзина (а может, Дарзина – тут Хромов точно не запомнил)!

Увы, спасенный исчез – а значит, никто теперь не узнает, какой такой нехороший человек из недружественной Прибалтики (что Берзин, что Дарзин – типичные латышские фамилии!) замешан в этом темном деле. И замешан ли вообще, или все это было пьяным глюком, какие часто посещают любителей заложить за воротник. Тем более что доктор уверял: парень был не просто пьян, а еще и под кайфом. Раньше Хромов работал в психиатрической клинике, где ему часто приходилось выводить нарков из ступора, да и на вызовах по «Скорой» такой работенки хватает, поэтому он эту публику, что называется, невооруженным глазом видит.

Строго говоря, искать ответы на эти вопросы должна была милиция, однако… нет человека – нет проблемы. А человека и в самом деле нет! Сбежал!»

Из газеты

«Губернские ведомости»

* * *

– Тебя поздравлять или как?

Валентина выпрямилась, убрала зеркало и взглянула в лицо девушки, лежащей на кресле.

В смысле, не девушки, конечно. Потому что беременных девушек не бывает. А молоденькая брюнетка, чьи плотненькие ноги с накрашенными ноготками свешивались с поручней кресла, была беременна.

Черные глаза тупо смотрели в лицо врача.

– Что? – тихо спросила пациентка.

Кажется, с поздравлениями спешить не стоит…

Как ее зовут? Люда вроде бы? Отходя к раковине, Валентина покосилась в карточку, лежащую на столе. Да, Людмила Михайловна Головина, год рождения – 1980-й, не замужем. Двадцать три года, значит. Ну что ж, вполне нормальный возраст. Валентине приходилось сообщать о беременности и пятнадцатилетним. Явилась как-то раз даже тринадцатилетняя барышня. С мамой. Та была убеждена, что у дочки просто нарушен цикл, а врач оговаривает невинную крошку. Ужас, что вышло!.. Вот там Валентине приходилось семь раз отмерить, прежде чем отрезать хоть одно слово. А эта Люда Головина уже вполне взрослая. Небось, прежде чем лечь с мужчиной в постель, должна была подумать, что от этого и получаются дети. Ни от чего другого!

Валентина стащила перчатки и бросила их в мусорное ведро. Оглянулась: пациентка все еще покоилась на кресле с раскинутыми ногами.

– Люда, осмотр окончен, – мягко сказала Валентина. – У тебя четыре недели беременности. Иди садись вот сюда, на стульчик. Только оденься сначала!

Валентина с невольным сочувствием наблюдала, как пациентка неловко сползает с кресла и смотрит на свои сложенные на топчане вещички, словно не представляя, что с ними делать.

Конечно, бывает, что при таком сообщении женщины теряют голову от радости. Но это определенно не тот случай.

Люда начала медленно одеваться. Куда девалась вся та высокомерная, недобрая энергия, которой она так и обдала Валентину несколько минут назад, ворвавшись в кабинет и потрясая карточкой платной пациентки! Валентине даже послышалось долетевшее из коридора эхо небольшого скандальчика. Очевидно, Люда прорвалась на осмотр без очереди, убежденная, что ежели она платная, то ей все можно. Похоже, сейчас она безумно жалеет, что так поспешила.

Пока Люда одевалась, Валентина торопливо выписывала направления. Что бы эта девонька ни решила, рожать или аборт делать, анализы сдавать придется. Хотя никакого «или» тут быть не может, почти наверняка она решит прервать беременность.

Так, оделась. И вроде бы в глазах появилось осмысленное выражение. Но все еще растерянна. Уронила сумку, оттуда выпала и записная книжка, помада, ручка, еще какие-то мелочи. Валентина исподтишка наблюдала, как Люда медленно, будто во сне, собирает свои вещи.

Тянито какое-то, а не девка! Или правда такое уж сильное потрясение испытала?

– Да ты садись, Люда, – Валентина похлопала по стулу. – Значит, вот что, смотри. Это тебе направление на общий анализ крови и на RV. А это – на мочу. Причем в пятом кабинете, с восьми до десяти, только лучше прийти пораньше, потому что очередь тут собирается кошмарная. Поскольку ты не из нашего района, то все это тоже платное, как и визит ко мне. И заплатить за анализы лучше сегодня, чтобы завтра тебе две очереди не стоять – в регистратуру и в кабинет. Если есть побольше денег с собой, можешь сразу и за аборт рассчитаться, вперед, тогда тебя на какой-нибудь ближайший день сунут, вдруг там у них «окошко» найдется. Жаль, что ты ко мне чуточку раньше не пришла, успела бы на вакуумный, а теперь чистить придется. Ну ничего, все это в наше время с

обезболиванием делается, не то что раньше – глаза на лоб лезли от боли! Я это удовольствие еще застала, успела. Ну, скажу тебе, если бы наши мужики этот кайф словили хоть разик, то вообще с сексом завязали бы!..

Валентина болтала, что только на язык взбредет, а сама одним глазом поглядывала в карточку, которую заполняла, другим же – косила на лицо Людмилы. Надо же, какая непроницаемая маска. Эти небольшие, очень темные глаза, тугие щеки, маленький, плотно сжатый рот… Мордовская, марийская, нет, скорее чувашская кровь. Выражение полного равнодушия на лице, особенно когда опущены глаза. Не поймешь, о чем она там на самом деле думает. Молчит, словно воды в рот набрала!

– Погодите-ка, – сказала вдруг Людмила. – Мне не надо направления. Я не пойду на аборт.

Ручка уткнулась в бумагу. Теперь Валентина уставилась на пациентку во все глаза:

– Рожать будешь, что ли? Серьезно?

Люда кивнула.

– Ну что ж, дело хорошее. А твой мальчик, он как, не будет против?

Маленький ротик слегка искривился в усмешке:

– Мой мальчик? Ничего себе, мальчик – ребенка заделал с одного раза!

Звучит грубовато, может быть, цинично, зато выражено точно.

– Ну, я хочу сказать, твой мужчина – он рад будет ребенку? – уточнила Валентина. – Ты ведь вроде бы не замужем? Может быть, вам с ним еще посоветоваться? Шаг ответственный, всю вашу жизнь переменит. Направления-то возьми, анализы все равно надо будет делать…

– Вы мне зря платный анализ выписали, – перебила ее Люда и отодвинула бланки. – Я теперь к другому доктору буду ходить, на другом участке.

Бесплатно, потому что пока я живу без прописки, а теперь они меня пропишут, раз я беременная. И вообще, теперь они со мной по-другому будут говорить! Никуда не денутся. Так что я к тому доктору пойду, по месту жительства и прописки, он и даст мне новые направления.

Валентина растерянно моргнула. Эта девонька ей, условно говоря, в дочери годится, а отстегала словесно взрослую тетеньку-докторшу, будто малявку-неразумницу. С другой стороны, тетенька-докторша сама виновата: куда спешила с этими бланками? Надо было сначала поговорить с пациенткой. Нет, решила дать ей время прийти в себя. Но до чего же быстро она очухалась, эта Люда Головина! Крепкая барышня. Умеет держать себя в руках, и, надо полагать, не только себя. Видимо, ее мальчик (мужчина, конечно же, мужчина!) тоже пикнуть не смеет против ее решения. Ишь, как это прозвучало: «Теперь они меня пропишут, никуда не денутся! Теперь они со мной по-другому будут говорить!» Так и видишь за этим словечком «они» мальчика-мужчину и его мамочку, которой совершенно не по нраву вот такая сношенька – с угрюминкой, очень даже себе на уме.

И эту маму можно понять, ей-богу!

Валентина попыталась одернуть себя – дескать, твоя-то какая печаль? – но мысли не послушались.

Неужели Люда решила сохранить ребенка только ради прописки? Ой, да чего только не бывает в жизни! А потом, закрепив свои права, она примчится за направлением на аборт… Что ж, время у нее еще есть, аж два месяца. И можно спорить, что придет она «по месту жительства и прописки», уже готовая сделать аборт. У этой барышни, похоже, все наперед рассчитано. Довольно бесстыжая девка, если хорошенько подумать.

Ну и что? Вам-то какое дело до отсутствия или наличия у нее стыда, доктор Залесская? Клятву Гиппократа давали? Давали. «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного…» Ну так и молчите в тряпочку.

Валентина невольно бросила взгляд на противоположную стену. Вот она висит! В смысле, клятва, а не тряпочка. Роскошно изданный постер занимает изрядную часть стены и внушает глубокое уважение как самим своим видом, так и этим словосочетанием – «Клятва Гиппократа», да и общей витиеватостью текста. В

принципе, наверное, это неплохо смотрелось бы в кабинете любого другого врача, только не гинеколога. Потому что там, в этой самой клятве, есть такие слова: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не укажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария».

Пессарий – это расширитель для матки. Он применяется именно при абортах. И, строго говоря, в этом кабинете, как и вообще во всех гинекологических кабинетах мира, непрестанно нарушается клятва Гиппократа. Ведь десятки женщин получают здесь хоть и не пессарий конкретно, а все же направление на аборт. Получают просимое «смертельное средство» для уничтожения плода.

А между прочим, Люда Головина, которая так не нравится доктору Залесской, не просит у нее «абортивного пессария». И, может статься, никакой аферы она не затеет, ребенка все же оставит и будет ему самой что ни на есть заботливой мамой!

Люда зыркнула своими темными глазками, и Валентина сообразила, что молчание несколько затянулось.

– Ну что ж, договорились, встретимся через недельку. Тогда на сегодня все? Можешь идти. До свидания, желаю тебе удачи – и твоему ребеночку.

Люда и бровью не повела, не то чтобы спасибо сказать.

– Тут откуда-нибудь позвонить можно? – спросила безразлично. – Из регистратуры или еще откуда-то?

Ага, так тебя кто-то и пустит звонить из регистратуры!

– Возле гардеробной автомат на стене. Бесплатный, – сухо сообщила Валентина. – Кстати, там кто-то еще есть, в коридоре? Или кончилась очередь?

– Нет, – брезгливо поджала Люда и без того крохотные губки. – Чурки какие-то сидят.

И, не прощаясь, выплыла из кабинета.

На пороге немедленно возникли две женщины. Черноволосые, черноглазые, смуглые, крепенькие такие. Азербайджанки, понятно. Чурки, это ж надо! Видали националистку? А сама она кто, эта Люда Головина? Если уж рассуждать с точки зрения великорусского шовинизма?

Валентина покачала головой. Надо же так завестись из-за какой-то дуры?! А впрочем, уже без десяти семь, прием кончается. Устала до предела, вот и реагирует на все так болезненно. Сегодня тетки валом валили, даже чайку глотнуть было некогда.

– Дамы, а вы почто вдвоем? – спросила уныло. – Приму я вас, приму обеих, только давайте не сразу, а в порядке очереди.

– Да она не понимает по-русски, – усмехнулась одна из женщин, бывшая повыше ростом. – Недавно тут живет, всего месяц какой-то.

– А вы кто? Родственница?

– Нет, я у ее мужа работаю. Фрукты-овощи, понятно?

– Понятно, – вздохнула Валентина. – Значит, будете переводчицей?

– Ой, ну какая из меня переводчица? – всплеснула руками продавщица. – Я сама молдаванка, по-ихнему два слова знаю. Объясняемся с ней на пальцах.

– Тогда зачем пришла? Иди, в коридоре подожди. На пальцах я и сама сумею – хоть по-азербайджански, хоть по-молдавски, – зевнула Валентина и сделала вид, что задирает халат: – Давай раздевайся, подруга, поняла?

Азербайджанка испуганно на нее покосилась и начала расстегивать платье на груди.

– Да не надо! – досадливо сморщилась Валентина. – Только снизу!

Она опять потрясла полами халата. Лицо женщины прояснилось, она задрала длинную юбку и принялась стаскивать толстые колготки.

– Ну вот, видишь? – победоносно глянула Валентина на переводчицу. – Нашли общий язык. Так что топай, посиди за дверью.

– Не могу, – вздохнула та. – Меня муж ее попросил в кабинете побыть. У них нельзя женщине одной ходить к врачу.

– Убиться! – удивилась Валентина. – Так ведь я тоже женщина!

– Ну и что? Ты не мусульманка.

– Это правда, чего нет, того нет, – хохотнула Валентина. – Кстати, а с каких пор молдаване стали мусульманами?! Или ты сменила веру?

– Да я отродясь некрещеная! – захохотала смуглянка-молдаванка.

– Никакой логики у этих исламистов, – покачала головой Валентина. – Ладно, сиди, раз такие дела. Вон там, на кушетке, присядь. А ты, моя красавица… как ее зовут, кстати?

– Гуля.

Женщина, которая стояла, неловко прижимая к себе цветастый подол длинного платья, встрепенулась.

– Пошли, Гуля! – ласково похлопала ее по плечу Валентина. – Вон туда забирайся – и ноги врозь. Поняла? Ну, какая умница! Тихо, тихо, сейчас мазок возьму. У тебя месячные когда были?

Азербайджанка смотрела испуганно.

– А как нам такие тонкости узнать? – обернулась Валентина к переводчице. – Явно беременность, по-моему, три недели, но насчет месячных как уточним?

– Да я сейчас у ее мужа спрошу, – подскочила та с кушетки. – У них всегда все знают мужья. – И выметнулась за дверь.

– Везет бабам! – вздохнула Валентина. – Мужья все знают, думать не надо, знай по сигналу падай в койку, а потом рожай… У тебя дети есть? Сколько детей?

То, что азербайджанка рожала, вдобавок не единожды, видно было, как говорится, невооруженным глазом. Но сколько раз конкретно?

– Пятнадцатого января месячные прошли! – влетела в кабинет переводчица. – Муж сказал. Он календарик ведет.

– Да ты что?! – обернулась Валентина. – Чего только не бывает на свете, да? А детей у них сколько? Спроси у мужа.

– Это я и так знаю, – кивнула переводчица. – Здесь, в Нижнем, двое с ними живут. И двое там, в ихнем ауле, или как его там. У мамаши мужа под присмотром.

– Понятно. Короче, барышня беременна, это раз. Второе – у нее инфекция какая-то, думаю, трихомоноз, надо подлечиться. – Валентина выбросила в ведро очередную пару перчаток. – Подождем, конечно, анализов, тогда и поговорим конкретно. Не знаешь, они ребенка оставлять думают или как?

– Разумеется, оставлять! – всплеснула руками переводчица. – Аллах не велит аборты делать, вы что, не знаете?

– А, ну да… – Валентина зевнула, даже не пытаясь прикрыть рот. – Пардон. Еле живая к концу приема. Давайте, девочки, приходите завтра с утра на кровь и все такое. А послезавтра мазок будет готов – тогда скажу, как лечиться. Понятно? Ну, пока!

– До свиданья, – сказала молдаванка.

Азербайджанка молча поклонилась в пояс.

– Ишь ты! – изумилась Валентина. – Ну, с богом. То есть с Аллахом!

Наконец-то ушли. Похоже, на сегодня все. Отмучилась, доктор Залесская!

Нет, кто-то еще ломится в дверь… Слава те, это всего лишь уборщица.

– До свиданья, тетя Галя, я помчалась! – Валентина выхватила из шкафа шубку и в самом деле побежала по коридору. Пусто, все уже ушли, как нормальные люди, она одна сегодня досидела до закрытия консультации и даже после оного. А это кто притулился под окошком?

Впрочем, в эту минуту Валентину гораздо больше интересовала не примостившаяся у подоконника фигура, а дверь дамского туалета. Но, выйдя оттуда через несколько минут, она вновь покосилась на женщину. Что-то в ней было знакомое…

Стоп, да это же та суровая барышня – Люда Головина!

– Ты чего тут засиделась? – удивилась Валентина. – Ждешь кого-то?

– Да. – Люда медленно поднялась со стула. – Я вас жду.

– Меня? – вскинула брови Валентина. – А что такое? Мы что-то забыли? Или решила все же взять направления на анализы? Может, и насчет аборта…

– Нет! – резко качнула головой Люда. – Я просто… Можно, я с вами немного пройдусь, а? Вы на остановку? В верхнюю часть едете? Я вас только чуть-чуть провожу. Пожалуйста!

В ее ровном, пожалуй, даже монотонном голосе прорезались вдруг умоляющие, истерические нотки, и Валентина спрятала раздражение в карман. Видимо, с этой угрюмой, уверенной в себе особой не все так просто, как казалось. Похоже, она чего-то боится.

Ну, в общем-то это объяснимо. Барышня переоценила свою крутизну. Ее «мальчик-мужчина» определенно будет настаивать на аборте, да и его мама, факт, в стороне не останется. Особенно если натура потенциальной «сношеньки» ей известна и она подозревает, что здесь имеет место быть не безумная страсть, а вполне трезвый расчет. Наверное, эта Люда позвонила своему парню – сообщить радостную, так сказать, новость, а трубку схватила потенциальная свекровь и отвесила что-нибудь этакое… Типа – убирайся со

своим ублюдком в свою Тмутаракань, или откуда ты там взялась. Сердитые мамы умеют сказануть, что да, то да!

Между тем они с Головиной уже вышли из дверей консультации, спустились с крыльца и осторожно побрели по тропе через двор. Этот глагол для обозначения процесса движения был самым точным, поскольку в начале марта, когда беспрестанно чередовались оттепели с похолоданиями, тропа покрылась настывшими колдобинами, в темноте неразличимыми. Со стороны передвижение по ней напоминало култыханье каких-то калек, у которых ноги разной длины. Валентина могла об этом сказать с уверенностью, потому что не единожды наблюдала из окошка аналогичное култыханье. Вообще-то она была даже рада, что Люда Головина внезапно навязала ей свое общество. Вдвоем, сцепившись под ручку, преодолевать эту полосу препятствий было куда легче, чем в одиночку. И все равно они еле ползли – и это при том, что обе были в сапогах на низком каблуке. Иначе тут и впрямь калеками стать можно в два счета. Строго говоря, свои красивые итальянские сапожки Валентина перестала носить зимой именно в целях ногосбережения.

За все это время Люда не проронила ни слова. Возможно, оттого, что идти было тяжко и скользко, она просто сосредоточилась на пути, а может быть, ей нужно не столько поговорить, сколько просто помолчать рядом с кем-нибудь доброжелательным, а если и не слишком доброжелательным, то хотя бы не осуждающим.

Да ради бога! После пяти часов непрестанной говорильни Валентина молчала с наслаждением! Если б еще ноги не разъезжались каждую минуту, совсем славно было бы.

Но все на свете имеет конец, и тропа, конечно, тоже должна была когда-нибудь закончиться. Валентине и Люде осталось только преодолеть некий бруствер, еще месяца два назад собранный на обочине дороги бульдозером, расчищавшим проезжую часть после очередного снежного заноса, на которые так щедры нижегородские небеса. Городские власти, которые пешком, как известно, не ходят, о пешеходах практически не заботятся, бруствер никуда не убрали, и в нем было за это время протоптано несколько более или менее труднопроходимых тропинок.

Обычно здесь горел уличный фонарь, который несколько облегчал выбор пути, однако нынче, как нарочно, света не было. Должно быть, фонарь перегорел.

Валентина только хотела выразиться на эту тему, как вдруг их просто-таки залило ярким светом. Зажглись фары автомобиля, стоявшего неподалеку.

Это было очень кстати, поскольку высветилась каждая выбоина в пресловутом бруствере, он перестал казаться таким уж неодолимым, а переход через него – опасным и пугающим. Валентина с прицепившейся к ней Людой взобрались на верх сугроба и только собрались сойти с него, как фары погасли и темнота от этого показалась словно бы в три раза гуще.

– Да что?! – возмущенно выдохнула Люда, но тут же ноги ее подогнулись, она качнулась, заваливаясь назад, и начала падать вниз, стаскивая заодно и Валентину, которая пыталась удержать ее. Не удалось: было слишком скользко, и они упали обе – упали тяжело, болезненно, так, что у Валентины даже дух перехватило от удара спиной, и она какое-то время не могла не только шевельнуться, но даже и голос подать. Она увидела, как снова вспыхнули фары, потом раздалось урчание мотора, и на краткий, но жуткий миг Валентине показалось, что автомобиль сейчас наедет на них с Людой, распластанных на оледенелом тротуаре, однако фары погасли, рокот мотора отдалился, и она поняла, что автомобиль уехал.

«Вот же мерзкая тварь, – подумала с усталой ненавистью. – Увидел, что две женщины упали, полюбовался этим, чертов садист, – и умотал, небось регоча от удовольствия. Вместо того чтобы помочь подняться».

Да уж, помогать что-то никто не спешил. Более того – Люда и сама как бы не собиралась подниматься. Валентина с усилием села, проворчав:

– Давай, девонька, вставай. Застудишься в два счета.

Люда не шевелилась.

– Людмила! Ты что? Что с тобой?!

Молчание.

«Ударилась головой! Потеряла сознание!» – в ужасе подумала Валентина, поворачиваясь к девушке и пытаясь приподнять ее.

Люда лежала навзничь, шапка слетела с головы, темные волосы, прежде закрученные на затылке, разметались. Валентине была видна только половина ее бледного лица – нижняя его часть с приоткрытым ртом. Лоб, глаза, щеки были залиты чем-то темным и жидким, и Валентине потребовалось немалое время, чтобы осознать: это не просто какая-то жидкость, а кровь, вытекающая из простреленного лба Людмилы.

Ее спутница была мертва. Убита наповал.

D-x-NV

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПОЛУЯНОВА МИХАИЛА МАРКОВИЧА

Расшифровка видеозаписи.

– Вы видите эту фотографию? Вам известен человек, который изображен на ней?

– Кажется, да… Не уверен.

– Почему?

– Ну, он похож на одного мужика, которого я знал, однако я его видел живого, а этот… не пойму… Он что, мертвый?

– Прошу вас отвечать на мои вопросы. Итак, известен вам человек, фотографию которого вам только что показали?

– С уверенностью сказать не могу, однако он напоминает одного моего знакомого.

– Его имя, фамилия, отчество?

– Я их не знаю. Человек, который меня с ним познакомил, называл его Буса. Я не знаю, фамилия это или прозвище. Я подумал, что это, может быть, по-цыгански. Мне показалось, что Буса цыган.

– Расскажите, каким образом вы впервые встретились с человеком, которого видите на фотографии?

– Его привел один приятель, Роман Карташов.

– Это ваш близкий друг?

– Да нет, не очень. Мы с ним познакомились в тренажерном зале и иногда ходили вместе пиво попить. Ну и я ему как-то сказал, что настала непруха финансовая, в смысле, денег нет, охота заработать. И вот он однажды позвонил и предложил мне заработок, деньги хоть и небольшие, но и работа не пыльная. И мы договорились встретиться.

– У вас были какие-нибудь догадки касательно характера этой работы?

– Нет, я ничего не думал. Я хотел послушать, что мне скажут.

– У вас были основания предполагать, что вам могут предложить какие-то противоправные действия?

– Да нет, с чего вдруг? Я ничего такого не думал.

– Итак, вы остановились на том, что договорились встретиться с Романом Карташовым. Что было затем?

– Он попросил меня приехать к кинотеатру «Электрон» и остановиться около гаражей.

– На чем вы должны были приехать?

– На отцовской машине, на «Волге». У меня есть права и доверенность на управление. Ну, я приехал на условленное место. Как только я остановил машину, из припаркованного неподалеку автомобиля вышли двое.

– Назовите марку и номер автомобиля, опишите его, назовите этих людей.

– Темно-синий «Мерседес-Бенц Е-200», на номер я не обратил внимания. Это были мой приятель Роман и высокий цыган.

– Как он выглядел?

– Ну, обыкновенно. Одет в потертую кожаную куртку, плохо выбрит, в норковой шапке. Даже не скажешь, что такой ездит на «мерсе»!

– Откуда вы знали, что «Мерседес» принадлежит ему, а не Карташову?

– Да у Ромки кишка тонка. У него не было автомобиля. У его отца «Ауди», но он не разрешал Роману ее брать после того, как сынуля однажды поехал кататься не в можах и потерся этой «Ауди» о какого-то чайника.

– Карташов представил вам своего спутника?

– Да, он заявил, что это его друг Буса, а тому меня представил как приятеля и назвал мое имя. Потом мы пожали друг другу руки, и Роман мне сказал, что, если я испытываю нужду в деньгах, этот парень может помочь мне заработать. Я спросил как. Он ответил, что надо поехать к одному его знакомому (адрес он мне даст), забрать у него из гаража колесо и привезти в поселок Ольгино, неподалеку за Щербинками, если ехать в Богородск. Я спросил: а почему он не может съездить сам? Он сказал, кто хочет заработать, он или я? Я ответил, что я хочу, и согласился выполнить его просьбу.

– Какую сумму вы должны были получить?

– Сто баксов. Ну, сто долларов.

– Сто долларов за то, чтобы привезти колесо из одного района города в другой? Вам не показалось, что это чрезмерно большая сумма?

– Большая?! Нет, это мне не показалось. Больно надобензин жечь, ехать из дома в Сормово, потом в Ольгино. Я, наоборот, сказал, что сумма ерундовская. Буса заявил, если мне неохота, то могу и не ехать. Я согласился, потому что мне завтра надо было долг отдать приятелю, тысячу рублей, он меня уже достал. А тут всяко деньги, и у меня было свободное время сгонять и в Сормово, и в

Ольгино.

– Расскажите, как дальше происходило дело.

– Ну, мы сговорились, Буса мне конкретно рассказал, куда ехать, у кого что забирать, куда везти, кому отдавать. Я поехал в Сормово. Там остановился напротив торгового центра «Сормовские зори», закрыл машину и прошел полквартала до книжного магазина. Зашел во двор и подошел к металлическому гаражу темно-коричневого цвета, с черной дверью, который мне описал Буса.

– Почему вы подошли, а не подъехали к гаражу на автомобиле?

– Нет, мне Буса велел, чтобы я сначала шел пешком.

– Что было потом?

– Гараж оказался заперт. Я посмотрел на часы. Буса сказал, что мне надо там появиться в двенадцать ровно, а было еще без двадцати. Я понял, что приехал рано, и зашел в «Книжный мир» – это магазин так называется. В отделе с видеокассетами купил программу для культуристов на видео – ну, там силовые упражнения на разные участки тела, на пресс мне надо было, и ровно в двенадцать снова подошел к гаражу. На этот раз дверь была приоткрыта, я стукнул, она открылась. Я туда заглянул. Машины там не было никакой, гараж пустой стоял, только лежали горкой несколько колес. Рядом на таком же колесе сидел мужик, он курил.

– Опишите этого человека.

– Да не, я его толком не разглядел, там темно было. Он такой плотный, среднего роста, такое впечатление, что давно не брился. Я сначала подумал, что это черный, ну, лицо кавказской национальности или тоже цыган, но он говорил без акцента, только сипло. Он спросил, что мне надо. Я объяснил, мол, меня Буса за колесом прислал. Тогда спросил, куда я его повезу. Я ответил: в Ольгино. Он сказал: иди за машиной. Мне неохота было время терять, я предложил: давай колесо укачу. Он усмехнулся и заявил: скажи Бусе, чтобы другой раз тебя не присылал. Я удивился: почему, дескать? Он говорит: потому что дурак. Я обиделся и ушел.

– Совсем?

– Нет, за машиной пошел.

– А почему вы совсем не ушли, если вас обидели?

– Ну… не хотел подводить Бусу. И денег стало жалко. Ста баксов… Работа-то никакая!

– И опять мы возвращаемся к тому же самому. Вы не подумали, что вам предложили чрезмерные деньги за «никакую работу»?

– Ну-у… я не знаю. Может, у них лишние деньги, откуда мне знать.

– Скажите, а у вас были основания предполагать, что после этой поездки сотрудничество с вами будет продолжено?

– Не понял. Чего сотрудничество?

– Я имею в виду, что Буса даст вам новые поручения, если вы привезете колесо в целости и сохранности?

– Ну, не знаю. Сам бы я не отказался гонять туда-сюда по сто баксов за рейс! Пожалуйста, хоть каждый день! Какие проблемы?

– Хорошо, что было дальше?

– Ну, подъехал я к гаражу, погрузил к себе колесо, которое дал мне тот мужик, и порулил в Ольгино.

* * *

«Так…» – думаю я. Потом какое-то время сижу, не ощущая шевеления ни единой мысли, и знай повторяю про себя: «Та-ак!»

Все. На большее я не способна.

Нет, правда, дотумкалась сделать кое-что более конкретное – посмотрела на часы. Время приближалось к двум. Вот-вот поезд подойдет к Владимиру. До Владимира от Нижнего ехать три часа с небольшим. Потом, после часовой стоянки на укромном боковом пути, еще три часа телепаться до Москвы. Фирменный поезд «Ярмарка» приходит на Казанский вокзал в шесть пятнадцать. Где-то в пять проводницы начинают активно поднимать народишко, стращая его тем, что вот-вот закроют туалеты. В СВ, я припоминаю, порядки не столь драконовские: тут подъем может начаться не раньше половины шестого, поскольку вагон полупустой. Таким образом, у меня остается примерно три с половиной часа до той поры, как откроется дверь, на пороге появится проводница и… ну, очевидно, судьба подарит мне еще минут пять-десять, прежде чем в вагоне нарисуется вызванный ею прапорщик или сержант милиции из поездной охранной бригады. А потом… а потом!..

Интересно, меня из вагона будут выводить в наручниках или просто подцепив железным захватом под локоток? Скорее всего, и в наручниках, и поддерживая под локотки с двух сторон – наверняка у них тут отыщется не один, а целых два мента, небось еще и московских на подмогу позовут. А проводница, заморенная усталостью пергидролевая блондинка с густыми потеками синих теней над и под глазами (помнится, увидав ее вчера вечером, я вспомнила жуткую песню, вернее, гнусавый ор, слышанный недавно в маршрутке: «Страшная, страшная, ну что ж ты страшная такая, ты и ненакрашенная страшная, и накрашенная!»), будет смотреть на меня со сладким ужасом и предвкушать, как она всем своим товаркам, знакомым, соседкам, пассажиркам, вообще всему свету поведает о знаменитой нижегородской писательнице, которая ночью напилась с незнакомым попутчиком до полного безобразия, перепихнулась с ним, а потом, неведомо зачем и почему, убила своего кратковременного собутыльника и случайного любовника, проломив ему голову пивной бутылкой, да еще и подушечкой для надежности сверху прикрыла…

Из всей это чуши правда только то, что я нижегородская писательница. Как выражался один мой знакомый адвокат, кропательница. В том смысле, что я зарабатываю себе на жизнь кропанием незамысловатых детективчиков. К числу властителей умов я не принадлежу, знает меня весьма ограниченное количество читающей публики – таковы, видать, мои детективы, что их не расхватывают с книжных лотков, как горячие пирожки. Но все же кое-какие умственные дамочки их читают и даже находят в этом удовольствие. Благодаря им моя зыбкая

популярность еще существует.

Кстати сказать, может быть, моя профессия останется тайной для подружек и знакомых синевекой проводницы. Пишу-то я под псевдонимом Дмитриева, а в поезде еду под своей паспортной фамилией – Ярушкина. И зовут меня вообще-то Елена, а не Алена… Установить, что эти две личности на самом деле одна персона, мало кто сможет. По причине полного отсутствия у меня мирской славы как таковой. Меня безвестность не больно-то напрягает, поскольку я по сути своей неутомимый работоголик, мне сам процесс важнее результата. Но не важнее денег, поскольку их мне вечно не хватает; я за хороший гонорар продам эту самую мирскую славу еще скорей, чем Исав продал право первородства за чечевичную похлебку! А чего за нее держаться, за славу? Она, эта самая глориа мунди, как известно, транзит.[1 - Имеется в виду латинское выражение, приписываемое средневековому философу Фоме Кемпийскому: Sit transit gloria mundi – Так проходит земная (а не мирская, как думает Алена!) слава.] С другой стороны, гонорары «транзит» у меня еще быстрее. Именно поэтому я то и дело срываюсь в Москву, делаю в любимом издательстве жалостную гримасу и умоляю уплатить мне как можно скорей хоть сколько-нибудь: не дать помереть с голоду и выронить из слабеющей ручонки перо (я, правда, пишу на компьютере, но это не суть важно, главное, чтобы ручонки не ослабели). Когда в издательстве есть свободные деньги – дают без разговоров. Вот вчера как раз забрезжило этими свободными денежками, именно поэтому я и сорвалась на первом же поезде, на какой нашлись билеты, пусть и непомерно дорогие. А впрочем, были билеты и в плацкартный вагон. Не на «Ярмарку» – на «Нижегородец». Между прочим, гораздо более удобный поезд. Приходит в столицу не в шесть утра, а аж в полвосьмого. Можно спокойно поспать лишний час. Но так ведь разве я поеду в плацкарте! Это ж такая досада для моего польского гонора!

Не думайте, нет у меня ни капли польской крови, да и ума, как я давно подозреваю, особенного нет. Выбросила чуть не тысячу за поездку в СВ, в комфортных условиях, приличествующих, так сказать, скромной труженице пера… вот и получи, фашист, гранату, за свои же деньги!

Я с усилием прекращаю это мыслительное словоблудие и возвращаюсь к действительности. У меня на самом деле есть дурацкая привычка беспрестанно ёрничать, но это не более чем защита от чрезмерно сурового и серьезного мира. Сейчас защита не срабатывает, как устаревшая антивирусная программа в моем компьютере против какого-нибудь нового «красного червя». Я пытаюсь призвать

на помощь разум, логику, нестандартные решения – все, чем столь лихо владеют героини моих романчиков. Пытаюсь призвать на помощь магические слова «Значит, так», с которых, по моему убеждению, начинается любое расследование. Я пытаюсь думать… Но случившееся выворачивается из тех рамок, в которые я его стараюсь впихнуть, как непослушный сюжет, развить который я никак не могу!

Значит, так. Новый роман я отправила по электронной почте в Москву три дня назад, а вчера с утра узнала, что можно приехать за гонорарчиком. Вчера же в час дня, как только закончилась тренировка (я фанатка шейпинга, чтоб вы знали), села на трамвай номер один и поехала на Московский вокзал, где, постояв минут двадцать в очереди (угодила аккурат в обеденный перерыв, когда половина касс закрыта) и повыбирав между плацкартным и СВ, я купила билет на вечернюю «Ярмарку». В положенное время я вошла в восьмой вагон этой самой «Ярмарки» и отправилась на свое шестое место. В купе я оказалась одна и, когда поезд тронулся, а сосед (ка) не появился (лась), вздохнула с облегчением. Впрочем, проводница, которая пришла проверять билет, тут же и разрушила мою невинную радость, сообщив, что ко мне запросто могут подсесть и в Дзержинске (через пятьдесят минут), и в Ильине (через полтора часа).

При слове «Дзержинск» меня, как пишут в романах, охватили воспоминания, и не сказать, чтобы приятные. Была у меня в прошлом году история с неким жителем этого города… этакий, с позволения сказать, любовный триллер, нашедший отражение в одном из моих детективов под названием «Любимый грех». Признаюсь: мой личный любимый грех, а именно мелкое тщеславие, побуждает меня довольно щедро использовать в детективах перипетии собственной судьбины – очень гораздой на приключения! Так же я поступила и в истории с черноглазым красавцем – вывернулась, можно сказать, наизнанку что перед ним, что перед читателем. К счастью, к несчастью ли, наши пути с этим героем моего романа разошлись – такое ощущение, что надолго, а может, навсегда. Вообще, из персонажей того триллера с похищениями, выстрелами, прыжками с балкона, жутко эротичными сценами, разрушениями домов и прочими необходимыми атрибутами мало-мальски читаемого боевика в моей жизни задержался только один, проходящий под кодовым названием «бесподобный психолог». Бросивший меня муж, Михаил, надумал вернуться ко мне вновь в самый неподходящий момент: как раз когда я активно утешалась с этим самым психологом. После такого афронта господин Ярушкин ушел из моей жизни снова – и теперь уж навсегда. Не сказать, что я от этого сильно страдаю. Перегорело все еще в прошлый раз, а то ведь с собой кончать собиралась, было такое страшное дело! Но… все проходит, как сказано мудрыми людьми. Прошло

и это, и еще многое другое. Теперь при упоминании о Дзержинске меня бьет куда меньший мандратий, чем прежде. И все же сознаюсь, когда наша «Ярмарка» остановилась у дзержинского вокзала, я не без опаски поглядывала на дверь купе. А вдруг?..

«Вдруг» не сбылось: в дверь, к счастью, никто не вошел. Я вполне успокоилась и легла спать, практически уверенная, что пребуду в одиночестве до самой Москвы. Но, судя по всему, мой сосед появился именно в Ильине.

Я спала без задних ног. В принципе сон у меня очень чуткий, в поезде тем более, а здесь я что-то вырубилась накрепко. Я не помню, как в мое купе вошел попутчик. Тем более не помню, чтобы…

В каком-то моем романе, уж и забыла, как он назывался, был некий персонаж, потерявший при аварии память. Но ведь со мной не произошло за истекшие три часа никакой аварии! Разве что с полки я упала… да и то вряд ли. Нет у меня такой привычки – падать с полки в купе. Да еще с нижней. Точно так же нет привычки пить что ни попадя и вступать с кем ни попадя в беспорядочные половые связи.

Ну ладно, насчет случайных связей я не стану бить себя в грудь: нет, ничего не было и никогда не будет. Однако всех своих любовников, как мимолетных, так и долгоиграющих, я помню отлично. И напиваться до отключки мне в жизни не приходилось! Я вообще не люблю алкоголь. Ну, разве что немножко кампари с апельсиновым соком или мартини – с манговым. Или самую капельку «Бейлиса» со льдом… Чуть-чуть, для придания жизни некоторой пикантности. Но не до потери же пульса! И уж всяко я не стала бы пить вино с названием, оскорбляющим творчество моего любимого писателя, – «Ночь нежна»!

Я отчетливо помню, что выпила только стакан минеральной воды под названием «Саровская». Вон из той бутылки… А кстати, где бутылка? Ее почему-то нет. Нету также пластиковой коробки с жутким продуктовым набором: сухим печеньем, йогуртом, пережившим срок своего хранения раза в три, заплесневелой булочкой в полиэтилене и такой жирной колбасой, что при одном взгляде на нее у меня обостряется хронический холецистит. Ничего этого я есть, конечно, не стала, выпила только воды… и что? И отключилась? До такой степени, что…

Я взглядываю на противоположную полку. То, что там лежит, я прикрыла простыней. Не столько потому, что это труп, сколько потому, что он голый, да еще украшенный изделием номер два. Бывала я в моргах, бывала на авариях, видела мертвых людей! Само по себе такое соседство меня не слишком напрягает. Видимо, оттого, что во мне сейчас какие-то нормальные реакции притуплены – от шока, да и туман в голове не рассеялся. Но стоит представить, что я с ним… а потом его… как меня начинает бить истерика. А истерики сейчас я себе позволить никак не могу. Поэтому и накинула простыночку на голого мужчину, на прощанье еще раз глянув на него и в очередной раз покачав головой: не могло этого быть. Не могло – и все тут!

Но если я не убивала голого мужика, значит, это сделал кто-то другой. А меня просто подставил… Очень ловко, умело и продуманно.

Но кто в это поверит?

Кто поверит в безумную инсценировку, созданную только ради того, чтобы подвести меня под статью? Для чего? Кому и когда я перешла дорогу? Я далеко не Моцарт, а еще пара-тройка детективщиц, живущих в Нижнем Новгороде, даже оптом не тянут на Сальери. Творческая зависть как мотив жуткого спектакля отпадает в полуфинале. Наследства от меня никто не ждет, да и не накопила я за жизнь никаких богатств, кроме весьма простенькой квартиры. При том, что «сталинки» теперь практически не котируются (слишком много «элиток» понастроили!), больших денег за нее не возьмешь. Да и кто будет брать? Михаил? Но мы с ним так и не были зарегистрированы. Когда меня посадят (с конфискацией имущества), квартира, скорей всего, отойдет в так называемый «выморочный фонд» – в распоряжение домоуправления. Но чтобы вообразить, что кто-то из работников нашего ЖЭКа способен убить и подставить меня ради квартиры, надо обладать слишком изощренным воображением. У детективщицы Дмитриевой такого нету.

Может быть, мне мстит Михаил? Мужики злопамятны, это правда. Но Михаил?.. Нет, не стану отрицать, что он способен на месть или на подлость. После того, как он меня бросил год назад, я открыла, что он способен на многое. Честно говоря, тогда я чуть не умерла с горя не столько потому, что он так поступил, а потому, что так поступил именно он. Думаю, он даже мог бы убить, к примеру, меня или своего смертельного врага. Конечно, можно допустить, что этот несчастный, которого я прикрыла простынкой, – смертельный враг Михаила. Вот мой бывший муж и прикончил его – буквально, а заодно меня – фигурально.

Чушь полная. Версий, подобных по глупости этой, я могу накидать сколько угодно – все же какая-никакая, а детективщица.

А ведь знаешь что, дорогая? Сейчас речь идет не столько о том, чтобы объяснить ситуацию, сколько о том, как из нее выпутаться.

Если ты твердо уверена, что не делала этого (уверена, уверена!), значит, остается – что? Уповать на бога и справедливость правосудия? Поднять вот прямо сейчас крик: «Не виноватая я, он сам пришел!» – и потребовать, чтобы вызвали бригаду ментов? Отдаться в руки правосудия?

Говорят, надо доверять первым побуждениям – они-де наиболее разумные. Но едва ли разумно вот это первое побуждение!

Прикинь – если ты попадешь в лапы милиции (прости меня, господи, за этот штамп, однако, подозреваю, он окажется очень точен – таково уж свойство штампов!), то вряд ли кто-то примет всерьез твои сбивчивые оправдания. Дверь-то заперта изнутри! Для милиции это значит, что никто другой не мог бы убить моего попутчика. А я считаю, что против меня играет кто-то из поездной бригады. Либо проводница, либо кто-то из ее коллег, без разницы – кто-то, у кого есть универсальный ключ от всех купе, открывающий даже закрытые на фиксатор двери. И – запирающий их вновь…

Может быть, этого человека убила проводница, а меня просто подставила?

Круто. Как сюжетный ход одного из дамских детективов – вполне допустимо, однако в это плохо верится. Слишком уж многое предусмотрено. Исчезла бутылка, из которой я пила воду. В нее – ясно как день! – заранее было впрыснуто снотворное, или эта штука, которой пользуются проститутки, чтобы усыпить клиентов, а потом ограбить… лекарство от давления, в каком-то моем романе оно тоже использовано… не могу вспомнить название – верный показатель того, в каком смятении я нахожусь. А может быть, свидетельство того, что у меня бывают стойкие провалы в памяти? Если я забыла, как называется это лекарство, то могла забыть и что этого человека я…

Не могла, не могла, не могла! И оставим эту тему.

Короче, в воду эта усыпляющая гадость определенно была добавлена заранее: бутылка уже стояла на столике, когда я вошла в купе!

Боже мой… Одно из двух: или у поездной бригады есть привычка травить всех пассажиров подряд, или… или все это было замыслено конкретно против меня… Хотя до вчерашнего утра я вообще не знала, что выберусь в Москву, а до двух часов дня у меня даже билета не было. И я никому не говорила, ни единой душе, что сегодня уезжаю, ну а на номер места посмотрела, лишь когда подошла к вагону!

С другой стороны, все мои данные попали в компьютер билетного кассира. И он, точнее, она, могла сообщить о них неизвестному злоумышленнику…

Могла, нет вопросов. Однако из этого следует, что против меня играет организация таких масштабов, представить которые, а также цели и задачи самой игры, у меня опять-таки просто не хватает фантазии.

Кстати, эта отрава называется клофелин. Наконец-то вспомнила! Значит, память у меня еще не совсем пропала!

Господи! Что это?

В двери раздается чуть слышный скрежет. Я вижу, как медленно, едва заметно начинает поворачиваться фиксатор…

D-x-NV

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА КУЛИКОВА НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА

Расшифровка видеозаписи.

– Взгляните на эти фотографии. Вам знаком кто-нибудь из изображенных на них людей?

– Да. Я знаю одного человека.

– Покажите фотографию. Назовите этого человека.

– Вот этот снимок. Парня зовут Роман Карташов. Отчества его я не знаю.

– Посмотрите как можно внимательней. Вы абсолютно убеждены, что никогда не видели никого из других людей?

– Никого не видел и не знаю.

– Где вы познакомились с Карташовым?

– В тренажерном зале на стадионе «Динамо». Мы занимаемся у одного тренера, у Кости Меркулова, иногда вместе с Романом уходили домой. Иногда заходили в бар. Разговаривали.

– О чем?

– Роман расспрашивал, как я живу, как идут мои дела. Я немного говорил о своей жизни. Так, трепались.

– Когда состоялся разговор об агентстве?

– Это было примерно в мае прошлого года. Мы, как всегда, шли с тренажеров, Роман спросил, как жизнь. Я ответил, что хорошо, но скучно. Сказал, что мне все надоело, что я устал и хочу отдохнуть. Он стал рассказывать, как в прошлом году ездил в Марокко, классно отдохнул. Спросил, не хочу ли я туда поехать. Я говорю, что был в Марокко, был на Кипре, на Филиппинах, ездил по Европе. Но меня это уже не интересует. Потом он спросил, было ли хоть какое-то приятное ощущение, которое хочется вспомнить из этих поездок. Я подумал и ответил, что самое лучшее, это когда на базарной площади в Марракеше я подошел к укротителю змей. Он сказал мне на ломаном английском языке, что у его кобры вырваны ядовитые зубы и я могу ее потрогать. Мне обычно все по фигу, но змею я еще никогда не трогал, было противно. Но он меня подначил, типа слабо, я решил, ну, возьму и поглажу. Только протянул руку, как сзади налетел полицейский и оттолкнул меня так, что я упал с ящика, на котором сидел, прямо на землю. Я вскочил и начал орать на этого полицейского. А он ни бельмеса не понимал ни по-английски, ни по-русски. Пока мы с ним общались, дядька со

змеей скрылся, будто его и не было. Тут прибежал наш гид, глаза на лбу, и полицейский ему рассказал, что исламисты нарочно провоцируют белых туристов трогать змей, говорят, будто у них зубы ядовитые вырваны, а это совсем не так, и такие случаи уже были в Марракеше, когда людей кусали гады, а арабы со своими змеями исчезали бесследно после этого. Ну, я такой кайф словил от этой истории! И рассказал о ней Роману. Сказал, что люблю риск, люблю острые ощущения. Он засмеялся и говорит: не только на площади в Марракеше, но и здесь тоже есть возможность испытать острые ощущения, да еще какие! Я спросил: на площади Горького, что ли, под маршрутку броситься? Или с Окского моста прыгнуть, не привязавшись за ногу? Он заявил, что есть другие способы, что знает ребят, которые умеют такие ощущения себе устраивать с помощью белого порошочка. Я сказал, что я не совсем дурак, чтобы подсесть на иглу и загубить свое здоровье. Он говорит: ну и правильно, я тоже держусь от этой дури подальше. На этом разговор закончился, и мы расстались.

– Заходила ли речь об агентстве?

– В тот раз мы о нем не говорили, но я потом понял, что Роман к такой беседе приготовился. Видимо, я ему показался подходящим человеком.

– Когда же состоялся разговор об агентстве?

– Уже после следующей тренировки. Мы опять пошли вместе по Покровке, и он сказал, что не понимает меня. Дескать, у меня отец богатый, да я и сам не без денег, так что мог бы найти себе сколько угодно интересных занятий. А если надоело быть приличным челом, так можно стать и неприличным. Главное, чтоб все было шито-крыто, чтоб никто ничего не узнал. Рассказал, что знает одного парня, который сделался наркокурьером – сам не кололся, а работал просто из любви к искусству. Знает, что это дикий риск: если попадется с грузом, то сядет, и сядет накрепко, но он уже без этого адреналина жить не может. Я сказал, что уж лучше и правда прыгать с Окского моста без страховки: и адреналин получаешь, и закон не нарушается. Он спросил: а если бы можно было и рисковые ощущения переживать, и знать, что не нарушаешь закон, как бы ты к этому отнесся? Я ответил, что не представляю себе такой ситуации. Он сказал, что может это устроить. Только надо будет заплатить. Я опять не понял, спросил: это адвоката хорошего надо оплатить, что ли? Чтобы отмазал, в случае чего? Тут Роман и начал рассказывать про агентство. Про то, какие услуги оно оказывает. Я сначала подумал, что это дурь, какая-то самодеятельность, но он предложил мне поговорить с директором агентства. Тогда, мол, мне сразу

станет понятно, что это серьезная организация.

– И что вы ответили?

– Ну, мне все равно было не фига терять, к тому же я малость заинтересовался этим. Сказал, чтоб только никаких наркотиков там и близко не стояло. Роман поклялся, что это железно. И тогда я согласился с ним встретиться.

– С кем – с ним?

– С директором.

– Когда произошла ваша встреча?

– Да на другой же день.

– По чьей инициативе?

– Не по моей. Мне позвонил Роман и сообщил, что обовсем договорился и мне надо быть около кинотеатра «Спутник» в такое-то время, встреча состоится там.

– А вас не удивило, что Роман не привел вас в само агентство?

– Удивило. Но он сказал, что надо привыкать: там обстановка строгой секретности, и когда я узнаю подробности об услугах, которые они предоставляют, сам все пойму. Мне, честно, уже неохота было никуда тащиться, тем более ехать к «Спутнику», однако Роман меня просто достал своими уговорами. Я так понимаю, он с каждого клиента имел какой-то комиссионный процент, ну и старался. Короче, я пошел.

* * *

Валентину забрал из милиции муж. Все время, пока с нее снимали показания, он сидел в кабинете, боясь, что жене вдруг снова станет плохо. У Валентина Дмитриевича (Валентина и ее муж были тезки) всегда был при себе набор сердечных средств.

Когда оперативник, ведущий допрос (фамилия его была Комзаев, имя-отчество Леонид Леонидович), увидел, что Залесский достал из кармана какие-то таблетки и дает жене, он потребовал показать, что это за лекарство.

– Боитесь, чтобы я не угробил единственного свидетеля? – желчно спросил Валентин Дмитриевич. – Не бойтесь, я этого не сделаю. Мы пятнадцать лет женаты, но она мне еще не настолько надоела. Единственное, что я бы проделал с удовольствием, – это отшлепал бы ее как следует. Чтобы не совершала больше такой дури, не лезла бы в свидетели… Надо было бегом бежать с места преступления!

– Почему вы так говорите? – неприязненно спросил Комзаев.

– Да потому, что вы с ней так говорите! – окрысился Валентин Дмитриевич. – Думаете, почему у нее припадки начинаются? Мне за дверью все ваши дурацкие вопросы слышны. Интересная у вас версия вырисовывается! Как будто моя жена нарочно привела девчонку туда, где ее так ловко подстрелили! А ведь, между прочим, именно убитая сидела до конца приема, ждала мою жену, а не наоборот!

– С чего вы это взяли? – холодно спросил Комзаев.

– То есть? – с такой же интонацией произнес Залесский. – Вы разве не слышали, что рассказывала моя жена?

– Я слышал, что показывала Валентина Николаевна, – уточнил Комзаев, даже не соображая, какой лингвистический кошмар он только что породил. – Но это только ее показания. Ни опровергнуть, ни подтвердить эти слова, как вы понимаете, никто не может.

– Почему никто? Уборщица видела, как Люда там сидела, в вестибюле, меня ждала, – слабым голосом проронила Валентина.

– А почему ждала? Может быть, именно вы попросили ее подождать! – с видом прокурора Вышинского изрек Комзаев. – Чтобы потом…

Валентина откинулась на спинку стула. Она устала так, что готова была прямо сейчас лечь и заснуть. А впрочем, можно и не ложиться – поспать сидя. Только бы хоть на минуточку избавиться от товарища Комзаева. Нет, прав Валька – надо было бежать бегом с того кошмарного места. Ведь с первого взгляда было понятно, что Люде Головиной ничем не помочь, что она убита наповал. Ну да, именно это и лишило Валентину всякого соображения. Начала орать что есть мочи, звать на помощь. Вдобавок от потрясения у нее сердце схватило так, что не могла встать, пока ее не подняли добрые люди. Та молодая пара, парень с девчонкой, сначала даже подумали, что Валентина тоже ранена, так она кричала и задыхалась.

Натуральная истерика, конечно, а ведь она всегда считала, что у нее довольно крепкие нервы. Может, они и крепкие – для нормальной жизни. А для такой вот внезапной экстремалки?..

– Версии, видите ли! – вдруг проворчал Комзаев. – Откуда вам знать, какие у меня могут быть версии? Поневоле начнешь метаться туда-сюда, если вы одно говорите, а оперативные данные у меня совершенно другие!

– В каком смысле? – тупо спросила Валентина.

– А в таком, – Комзаев похлопал ладонью по двум-трем бумажкам, сцепленным скрепочкой. Их минут пятнадцать назад принесла ему какая-то суровая барышня в форме и с погонами прапорщика. Видимо, в них и были те самые оперативные данные. – В самом прямом! Вы уверяете, будто девушку, которая пришла к вам на прием и ожидала вас до закрытия консультации, звали Людмила Головина.

– Людмила Михайловна Головина, – уточнила Валентина.

– Совершенно верно, – нетерпеливо кивнул Комзаев. – А год рождения вы какой называете?

– Год рождения – 1980-й, – вспомнила Валентина запись в карточке. – Только это не я называю, а сама Людмила в регистратуре назвала.

– А по паспорту вы эти данные проверяли? – чуть подавшись вперед и глядя на Валентину исподлобья, спросил Комзаев. Вид при этом у него был настолько бдительно-недоверчивый, что Валентина невольно вспомнила кадр из какого-то

старого-престарого фильма. Что-то такое про допрос англо-франко-германской, а заодно американо-японской шпионки. Следователь там сидел вот точно с таким же видом. Ну а шпионка была как две капли воды – доктор Залесская, обессиленно обвисшая на стуле.

– Ох… – тяжело вздохнула Валентина. – Конечно, нет.

– Конечно, нет?! – возмущенно повторил Комзаев. – А почему?

– Да потому, что нету у меня времени – паспорта у моих пациентов проверять. Это делают в регистратуре, когда заполняют карту платного пациента.

Она опустила глаза. Строго говоря, у платников паспорта проверяли далеко не всегда. Главное – деньги за визит, своего рода гарантия конфиденциальности. В самом деле – может, у человека такие проблемы, которыми он ни с кем не хочет делиться. Нынче у нас как бы уважаются права личности.

Вот именно – как бы.

– А что такое с ними, с паспортными данными этой Люды? – устало спросила Валентина. – Что она не так называла? Годы себе прибавила? Ей еще нет восемнадцати? Но какое это теперь имеет значение?

– В сумочке убитой девушки обнаружены два паспорта. Один – нового образца – на имя Людмилы Константиновны Рукавишниковой, 1980 года рождения, а никакой не Головиной. Фотография Рукавишниковой соответствует внешности убитой, насколько можно судить при беглом осмотре. Прописана Рукавишникова в городе Слободянске, в Чувашии, на улице Энгельса, в доме шестьдесят четыре, в квартире шестьдесят. Мы запросили Слободянск, однако ответа еще не получили. Что же касается Головиной Людмилы Михайловны, 1980 года рождения, то она блондинка с большими глазами и коротко стриженными волосами – судя по фотографии в паспорте старого образца, который мы также обнаружили в сумке убитой. Паспорт этот, по нашим данным, значится как украденный. О его пропаже Головина заявила еще в августе прошлого года и с тех пор успела получить документ нового образца. Так что вы дали нам заведомо неверные данные относительно вашей пациентки, – констатировал Комзаев не без угрюмого торжества в голосе.

– Уж извините, чем богаты, тем и рады, – развела руками Валентина, настолько измученная, что даже обиды никакой на странного мента не чувствовала. Наверное, парень и сам до смерти устал за день, вот и ломит невесть что.

Интересно, он сегодня собирается отпустить их с Валентином домой? Или дело кончится тем, что Залесский побредет в любимый садик Пушкина, где стоит их дом, один-одинешенек? А его преступная жена будет препровождена в узилище на те двое или трое суток, на которые органы правопорядка имеют право задерживать подозреваемых?

«Ладно, – со смертной тоской подумала Валентина, – пускай задерживают. Я до такой степени устала, что с удовольствием проспала бы именно трое суток – вообще не вставая. Правда, не уверена, что мне такое право будет предоставлено. Замучают небось допросами! Да и вообще, по-моему, я где-то читала, будто они имеют право даже не на трое, а на десять суток людей задерживать без предъявления обвинения. Нет, десять суток мне не проспать, даже если на допросы тягать не станут…»

Она покосилась на мужа, который сидел набычась, бросая на Комзаева мрачные взгляды, и почувствовала, что на душе стало малость полегче.

Нет, Валька отсюда один не уйдет. Комзаеву придется его тоже поместить в узилище, чтобы унять. Потому что если он почует, что жене грозит серьезная опасность, то всех на свете подымет, до областного прокурора дойдет. Или устроит нападение на отделение милиции, в котором будет содержаться Валентина. Причем это гораздо более вероятно прогнозируемая ситуация. Потому что до областного прокурора еще поди доберись, а сосед у Залесских – необычайно таинственный и загадочный мэн, который работает в каких-то частных сыскных структурах, сотрудничающих как с правоохранительными органами, так и с мафиозниками, благо в наше время четкую грань между теми и другими провести трудно, порой практически невозможно. И он запросто способен на теракт! А что сосед станет Валентине помогать, в этом можно не сомневаться. Не далее как на прошлой неделе, заглянув к Залесским в гости, он так расчувствовался, поедая фирменные Валентинины голубцы, что, не обинуясь, сказал:

– Дорогая Валентина, ты девушка моей мечты. Я бы непременно увел тебя у раба божьего Залесского, однако уж больно он мужик хороший. Надежный супруг и отец. Я-то ведь ветреник и ловелас. Всех достоинств только, что деньги из ушей

торчат. Всю жизнь по лезвию бритвы хожу, а тебе стабильность нужна…

В ответ Валентина только чмокнула своего Залесского в начинающую лысеть макушку и подумала, что лет двадцать и даже пятнадцать назад она непременно потеряла бы от соседа голову, ну а сейчас, когда сороковник на подходе, ей уже и впрямь нужна стабильность. Володька (соседа звали Владимиром Долоховым) – он из тех, кто всю жизнь остаются плейбоями или, по крайности, сохраняют такой имидж. Опять же – фамилия… Валентина очень хорошо могла себе представить Владимира сидящим на подоконнике четвертого этажа, ножками наружу, и пьющим шампанское из горлышка. Хотя шампанское он не любил, кстати сказать, предпочитал баккарди с лимоном – этот Долохов, Владимир, а не тот, книжный… а как его звали, кстати сказать? Василий? Нет, Василий был Денисов. Николай? Николай был Ростов, с Андреем и Пьером тоже путаницы не возникает… Как же звали настоящего Долохова?!

– Валентина! Валентина Николаевна! – донесся до нее нестройный хор мужских голосов, потом подуло каким-то ветерком, и она вздрогнула, открыла глаза, принялась суматошно оглядываться.

Залесский поддерживает ее за плечи одной рукой, в другой сжимает какую-то газетку и обмахивает ею жену, Комзаев супится за своим столом, подоконник пуст – никакого Долохова, с именем или без, там и в помине нету.

– Ты как? Тебе плохо? – спрашивал Залесский с таким искренним ужасом, что Валентине захотелось обнять его и успокоить, как маленького. И при этом непременно надо, чтобы и он ее обнимал и успокаивал, как маленькую.

– Ничего. Я вдруг, кажется, заснула… – зевнула она, придерживая его все еще машущую руку, но не собираясь признаваться, что сейчас, после минутной дремы, чувствует себя несравненно лучше.

Залесский посмотрел на жену уже спокойней и легонько коснулся губами ее лба, над которым вздыбилась растрепавшаяся челка.

Комзазев наблюдал эту супружескую сцену с тем же выражением, с каким Маленькая Разбойница в сказке Андерсена бурчала: «Телячьи нежности!» Поджал губы и с явным усилием выдавил милосердное:

– Ладно, так и быть, на сегодня закончим. Можете идти, только протокол подпишите. Если понадобитесь, я вас вызову. То есть я вас определенно вызову, так что будьте готовы.

Валентине едва удалось сдержаться и не взвиться радостно со стула, а подняться медленно, с усилием, подчеркнуто опираясь на руку мужа.

– Давайте свой протокол, – простонала она.

– Сейчас, минутку, – Комзаев совершенно по-школьному загородил лежащие перед ним листки, в которые он весь вечер что-то угловато и экономно вписывал.

Валентина вспомнила свой почерк – размашистый, разухабистый, аналогичный почерк Залесского и совершенно такой же – Долохова, – и негромко вздохнула. Все-таки не зря говорят, что по почерку можно многое сказать о человеке. Они все жуткие транжиры, Залесские, и дочка Анечка – вся в родителей, и сосед им совершенно в масть. А у Комзаева небось и впрямь копейка рубль бережет, хотя зарплата у сотрудников милиции не в пример больше, чем, скажем, у врачей районной женской консультации или у инженера проекта. Зато не больше, чем доходы загадочного плейбоя Долохова, ага, со мстительным удовлетворением подумала Валентина – и сама удивилась той неприязни, которую испытывает к Комзаеву. За что? Делает человек свое дело, делает как может…

– Вот, готово, – проговорил между тем вышеназванный человек, с некоторым сомнением озирая свое рукомесло. – Прочтите и распишитесь на каждой странице и в конце протокола: «С моих слов записано верно» – потом число, подпись.

Валентина взяла бумаги.

В самом деле, приходилось признать, что с ее слов и впрямь было записано все правильно, а негативные реплики заботливого супруга остались вне протокола. Она прочла, кивнула, взяла предложенную ручку и попыталась было расписаться, однако «шарик» только скреб бумагу, не оставляя на ней никаких следов.

– Паста кончилась?

– Нет, просто внизу стекло, вот ручка писать и не хочет, – пояснил Комзаев, передавая Валентине газету, которой только что обмахивал ее муж. «Губернские ведомости» и прежде лежали на столе, только другой стороной вверх. А теперь газета была положена иначе, фотографиями наружу…

– Газетку под протокол подложи, Валентина, – послышался голос мужа, и она очнулась.

Умостила протокол поверх фотографий, расписалась, где надо было.

– Можем идти? – встала со стула.

– Спокойной ночи, – пробормотал Комзаев, шныряя взглядом от газеты к лицу Валентины и обратно.

Он что-то заметил. Что именно? На странице три статейки, четыре фотографии, две из них на редкость нечеткие, на третьей полуголая деваха, на четвертой сердитое губернаторское лицо – интересно, на кого он так окрысился? Но Комзаеву интересно другое: почему так изменилась в лице подозрительная свидетельница?

Увы, придется тебе, следователь, пока помучиться любопытством. А долго ли, коротко – зависит от степени твоей наблюдательности.

«Тест на наблюдательность. Найдите десять различий между изображениями А и Б». Или еще вот – совершенно по Шекспиру: «Взгляни сюда. Вот два изображения…»

Нет, лучше не смотри сюда, Комзаев!

Выйдя из кабинета, Валентина не глядя протянула руки назад, в рукава, и, не дожидаясь, когда муж толком наденет на нее шубу, зарысила к выходу.

– Погоди, – остановил ее Залесский. – Наша машина вон там стоит, ты куда разогналась? Домой пора ехать!

– Сейчас, – рассеянно ответила Валентина, – сейчас поедем, только сначала на вокзал забежим.

– Что, в туалет? – догадался заботливый супруг. – А до дому не дотерпишь?

– Нет. В смысле, я не в туалет!

Не пускаясь больше ни в какие объяснения, Валентина ринулась наискосок через дорогу, взбежала по скользким ступенькам на вокзальное крыльцо. Залесский недоумевающе пыхтел в кильватере.

Раздвижные двери когда-то ходили туда-сюда, как положено, но теперь устали и намертво закрепились в положении «открыто». Валентина пронеслась в них вихрем, сметая с пути бомжей, которые пытались найти тихое местечко для отдыха, вбежала в здание вокзала, повернула налево и кинулась в киоск «Союзпечати».

– «Ведомости» есть? Сегодняшние «Ведомости»? – крикнула она, привставая на цыпочки и нависая над прочими покупателями.

– Семь пятьдесят, – продавщица протянула газету.

– Валя, у тебя есть семь пятьдесят? – не оглядываясь, бросила Валентина мужу. – Заплати, ладно?

И, отойдя к батарее, облокотилась на подоконник, разворачивая газету.

Не здесь, не здесь… Может, номер другой? Нет, этот. Вот оно, на третьей странице…

– Да что там такое? – подошел умирающий от любопытства Залесский. – Что, а? У тебя было такое лицо, будто ты призрак увидела!

Валентина ткнула пальцем в одну из фотографий, помещенных на странице:

– Смотри! Правильно ты сказал – призрак…

Муж какое-то мгновение переводил взгляд с фотографии на жену, потом произнес прочувствованно:

– Матка Боска Ченстоховска…

Раз лет в пять он вспоминал о своем прадедушке – католическом священнике. Поскольку Валентина жила с Залесским ровно пятнадцать лет, на ее памяти это приключилось только третий раз.

– Да, кошмар, – пробормотала она. – Кошмар…

– Не то слово! Как ты думаешь, Комзаев это просек? – спросил Залесский выразительно.

– А бес его знает. Кажется, я уже тяну на особо опасную преступницу, как думаешь? – спросила Валентина, чувствуя, что у нее садится голос. – Ладно, все, хватит с меня, я сейчас рухну и не встану. Уже вези меня домой насильно, там и поговорим.

Картотека

«ВО ИЗБЕЖАНИЕ БЕД И ПОТРЯСЕНИЙ

Мощный взрыв разворотил подъезд пятиэтажной хрущевки в Московском районе. Несчастье произошло рано утром. Мы уже упоминали об этом случае месяц назад, но без каких-либо подробностей. Милиция просила нас помалкивать в интересах следствия. К сожалению, по истечении времени можно признать, что следствие пока в тупике. Однако покров секретности со случившегося снят. Итак, взрыв в жилом доме… Погиб один из жильцов.

– Взрывной волной меня буквально снесло с кровати, – рассказывает Виктория Прокофьева с третьего этажа. – Наверху кто-то закричал: «Пожар! Горим!» Я бросилась к телефону, но он не работал. Тогда я схватила трехлитровую банку с водой – у нас воду часто отключают, поэтому держу дома запас, – и выскочила на площадку как была, даже халат надеть не успела.

Пятый этаж здания был уничтожен практически полностью, на четвертом осыпался потолок и выбиты стекла. Остальные квартиры залиты водой. Надежде Никушиной с третьего этажа пришлось вызывать «Скорую» из-за сердечного приступа – она только что закончила дорогостоящий евроремонт. Сейчас в подъезде отключены все коммуникации. Надо заметить, что последствия взрыва могли стать настоящей трагедией, если бы не какой-то прохожий, случайно оказавшийся в проходном дворе около злополучного дома. Увидев, как разнесло верхний этаж хрущевки, он бросился в подъезд и перекрыл весь газовый стояк. Что называется, слава богу, знал, что и где отключать!

Эпицентр взрыва находился в квартире номер двадцать, принадлежащей семье Пластовых. Супруги Олег Сергеевич и Ирина Петровна проживают на другой жилплощади, а в Московском районе обитал их сын Сергей, учившийся на химико-биологическом факультете в Нижегородском университете. Он погиб, причем от парня остался только обугленный скелет. Всего в квартире обнаружено три трупа, обгоревшие до неузнаваемости. Кто такие были двое гостей Сергея – следствию предстоит еще выяснить. Пока на эту тему нет никаких предположений: среди его близких друзей никто не исчез, не пропал.

Кстати, интересная деталь. Как показали сокурсники Сергея, он никогда и никого не приглашал к себе в гости.

Родители Пластова, его друзья, соседи – все до сих пор в шоке от случившегося. О Сергее говорят как о вежливом, сдержанном молодом человеке, который сутками просиживал за компьютером. И хотя Сергей учился на химбиофаке, он был известен своим товарищам как талантливый электронщик, который никому не отказывал в помощи по ремонту забарахлившей компьютерной техники. Ребята, узнав о трагедии, предположили, что взрыв каким-то образом связан именно с электроникой, однако, конечно, никакой компьютер, даже самый мощный (а таким Сергей, к слову сказать, и не обладал), не способен рвануть, как большая мина!

Версия о взрыве бытового газа отпадает – ведь очаг возгорания находился в комнате, а не на кухне. Возможно, в доме хранили взрывчатые вещества (до трех кило – в тротиловом эквиваленте) или легковоспламеняющиеся жидкости. Возможно, студент Сергей Пластов проводил в своей комнате какие-то химические опыты.

Поразительный факт. В квартире Пластовых напрочь снесло стены, вся мебель сгорела дотла, обрывки одежды раскидало по ветвям растущих вокруг дома деревьев. Среди этого страшного хаоса уцелела только одна фотография, а еще – маленькая зеленая книжка-»раскладушка» с крестом на обложке. Внутри – нарисованное распятие и молитва «Во избежание бед и потрясений». Кстати, уцелевшая фотография была вложена в книжечку. На ней изображен отец погибшего Сергея, Олег Сергеевич, в годы молодости, в компании знакомых (см. фото). Ну что ж, будем надеяться, что хотя бы эти красивые девушки избежали в своей жизни бед и потрясений, которые не обошли стороной ни самого Олега Пластова, ни его семью».

Из газеты

«Губернские ведомости»

* * *

Раньше выражение «доля секунды» было для меня не более чем фигурой речи. Теперь я поняла, что они существуют физически, эти самые доли. Их в секунде как минимум пять. В первую долю я, словно повинуясь команде, отданной свыше, выключала ночник. Вторую долю секунды я (повинуясь тому же приказу) сдергивала простынку с моего соседа. Третью – падала на свою полку и с головой укрывалась этой простыней. Четвертую – я всем существом внимала почти неслышному шороху медленно приотворяемой двери. Вы когда-нибудь видели, чтобы дверь купе при отворялась, к тому же – медленно, а не отъезжала в сторону рывком – со скрежетом и грохотом? Но техника открывания этой двери выдавала профессионала… Пятую долю секунды я ужасалась до полуобморока, что накрылась тем же полотном, которое только что покрывало труп. По всем народным приметам, тот, кто надел на себя хоть что-то, снятое с покойника, особенно с убитого человека, сам вскоре умрет. Выходит, и мне вот-вот предстоит…

Секунда со всеми своими долями истекла. И время, отпущенное мне на пустые размышления, тоже истекло. Слабый промельк света проник из коридора, и я зажмурилась. Я лежала лицом к стенке, стискивая изо всех сил веки, а по спине у меня словно бы прохаживались ледяные пальцы.

О нет, это сравнение устарело, морально устарело! По моей спине будто водили лезвием ножа или стволом пистолета! Заряженного, готового выстрелить в любую секунду… нет, в любую долю секунды! Ужас, ужас… я всей кожей, всеми мышцами, всей кровью ощущала взгляд – пристальный, придирчивый взгляд человека, который смотрел в крохотную дверную щелку. Это был не случайный соглядатай – отнюдь! Это была проверка – все ли в купе так, как оставалось некоторое время назад, когда он сделал свое дело и ушел. «Это смотрит убийца!» – поразила меня догадка и заставила оледенеть, словно и я уже сделалась тем самым хладным трупом, в который мне пророчили превратиться народные приметы.

И я почувствовала, что больше не выдержу этого взгляда в спину. Сейчас заору – заору истерически, бездумно… И в тот самый миг дверь почти бесшумно закрылась. Но щелчка поворачиваемого фиксатора я не услышала, как ни напрягала слух. Приподнялась на локте, ловя малейшее движение в коридоре. Показалось или в самом деле различила едва слышные удаляющиеся шаги? Наверное, они мне почудились: очень уж грохотал поезд на стыках.

Я села, прижимая руки к груди. И только тут вспомнила, что успела одеться. И если наблюдатель смотрел внимательно, он не мог не заметить исчезновения моих вещей с вешалки. И не мог не догадаться, куда они подевались: ведь из-под простыни торчала моя нога в брючине и носке!

Значит, они – кто? не знаю кто, убийцы! – просекли, что я не сплю, что я все поняла и морочу им голову. Конечно, можно надеяться на лучшее и уповать, что наблюдатель не приметил таких мелочей, как моя отнюдь не голая нога. Но нынешняя ночь как-то враз отучила меня от этого приятного занятия – надеяться на лучшее. Я теперь готова только к худшему.

Они поняли, что их игра раскрыта.

И что? Чего мне теперь ждать? В окне все чаще мелькают огни – мы приближаемся к Владимиру. Вот-вот станция… вот-вот! И как? Мне ждать визита милиции уже во Владимире?

Ждать? А почему я должна кого-то ждать? Бежать. Я должна бежать!

Но куда? Прыгать с поезда на ходу? Даже если бы у меня хватило на это решимости, какой смысл? Мои паспортные данные есть в компьютере в кассе, где я брала билет, меня арестуют сразу, как только я появлюсь у себя дома!

Можно, конечно, там не появляться. Можно залечь на дно… ну и долго я там пролежу, с двумя тысячами рублей в кармане? А где оно, кстати, это самое дно? Я мысленно прочесываю всех своих друзей и знакомых. Их немало, однако тех, кому я могу совершенно довериться в такой безумной ситуации, раз-два и обчелся. Среди них один мужчина – «бесподобный психолог». Но этот вариант спасения отпадает. Мой юный друг (он и в самом деле гораздо моложе меня, но и ему, и мне на это наплевать) сейчас на каком-то международном семинаре молодых психологов аж в Англии… Молодец мальчонка, ничего не скажешь, но надеяться на его помощь я, получается, не могу.

Михаил? Во-первых, он в Москве. Во-вторых, это просто нонсенс – рассчитывать на человека, бросившего меня. Да мне гордыня не позволит его ни о чем попросить! Что поделаешь – любимый грех…

Мужчины, значит, как помощники отпадают. Женщины? Из всех своих знакомых и приятельниц я бы доверилась в такой ситуации разве что Жанне, хозяйке ресторана «Барбарис», но не могу подставить ее. Совладельцы «Барбариса» – какие-то ну шибко крутые ребята, они могут очень серьезно обидеться на Жанну, если она окажется замешана в криминальную историю. Так что похоже, что мне придется надеяться только на себя. В точности как героиням моих романов!

Господи… да уж не напророчила ли я себе судьбину, плетя самые что ни на есть хитроумные интриги, задавая неразгадываемые загадки, ставя неразрешимые задачи и просто-таки принуждая своих героинь выпутываться из жутких ситуаций? Ведь я сама теперь нахожусь точно в таком же положении, когда не знаешь, куда кинуться, у кого помощи просить!

Да, этого я не знаю. Зато знаю одно: чем скорей я перестану сидеть в этом купе сиднем и тратить время на размышления, тем скорей ситуация перестанет быть неразрешимой. Эти люди (нелюди, сказала бы я!), которые затеяли непонятную и странную игру, пока заставляют и меня играть по их правилам. Но мне нужно перестать делать это. Нужно их опередить и навязать им свою игру.

Первой заявить в милицию, вот что! Не ждать, пока ко мне придут, схватят и поволокут на закланье. Поднять шум раньше их. И сразу потребовать, чтобы со всех предметов, которые находятся в моем купе, сняли отпечатки пальцев. Если я не пила, не ела этой пластмассовой вилкой, не бралась за мерзкую бутылку «Клинского» (а ведь не зря, не зря я ненавижу пиво и считаю его врагом народа!), значит, моих отпечатков тут быть не может. Зато там найдутся отпечатки кого-то другого. Конкретно того, кто устроил весь этот кошмар.

Но через мгновение оптимизм, разгоревшийся было в моей душе, гаснет, как фитиль прикрученной газовой горелки: я вспоминаю какой-то романец (на сей раз не мой… а может быть, и я писала что-то в этом же роде?), где бесчувственного человека хватают за руку и оставляют его отпечатки и на орудии убийства, и на каких-то еще сопутствующих предметах. Где гарантия, что они не проделали со мной чего-то подобного, пока я валялась, опоенная клофелином или аналогичной одуряющей гадостью? Нет такой гарантии… И надежды на то, что меня выслушают в милиции внимательно, не поднимут на смех, не отправят немедленно в обезьянник или вовсе в психушку, тоже нет никакой.

«Ну, тогда ложись под бочок к этому трупу и жди, когда за тобой придут!» – говорю я себе с ненавистью. И неизвестно почему вспоминаю одного своего знакомого писателя, ныне, увы, покойного, по имени Владимир Александрович Русков. Он говорил: «Ты, Алена, главное – пиши. Если напишешь – может, и напечатают. А не напишешь – так уж точно не напечатают!»

Если я начну трепыхаться – может быть, и спасусь. А буду сидеть сиднем – вряд ли!

Я наклоняюсь – голова немедленно начинает кружиться снова, еще не вся ядовитая дурь выветрилась, – и натягиваю сапоги. Вещей у меня нет практически никаких – только небольшая сумка, в которой лежат документы, щетка для волос, кошелек, ручка с блокнотом, косметичка и паспорт. Ну, еще в полиэтиленовом пакете – запасные трусики. Ведь я намеревалась пробыть в Москве всего лишь полдня: получить гонорар и на двухчасовом «Буревестнике» вернуться домой. Вечером была бы уже у себя в квартире, усталая, но довольная, ненадолго разбогатевшая…

Черт, когда ж я теперь получу свой гонорар?! А может, смыться с поезда, добраться до Москвы первой же электричкой, взять деньги в издательстве, а уж

потом идти сдаваться?

Нет, глупость. Во-первых, всполошенные моим исчезновением, они могут связаться с милицией моментально, и тогда меня будут ждать на вокзалах как в Москве, так и в Нижнем: Алену Ярушкину, особо опасную преступницу, беглую убийцу. А во-вторых, если я даже доберусь до Москвы беспрепятственно, то не факт, что у меня в милиции потом не изымут мой гонорар. То есть факт, что изымут, так уж положено, но вот вернут ли… не факт!

Забавно: жизнь свою я работникам правоохранительных органов доверить готова, а вот кошелек… Ну ладно, пусть эти работники будут довольны хотя бы этим, потому что ни одна из моих героинь им вообще не верит. Все эти удалые дамы решают свои проблемы сугубо самостоятельно!

Ну что ж, надо ломать устоявшиеся штампы. Решено – иду в милицию!

Я рассовываю содержимое сумки по карманам куртки, застегиваю их на «молнии», а самой сумке говорю последнее прости (кстати, я ее никогда особенно не любила, да и старенькая она уже, буду только рада купить новую – если мне, конечно, удастся это когда-нибудь сделать, но остается только уповать…), надеваю перчатки, чтобы моих отпечатков тут, в этом кошмарном местечке, осталось как можно меньше. Берусь за ручку двери и, подавив желание рвануть ее в сторону и выскочить опрометью, начинаю поворачивать ее медленно-медленно, одновременно сдвигая дверь.

Смотрите-ка! Получается. Почти как у того, кто заглядывал сюда несколько минут назад. Тихо-тихо, осторожно-осторожно – и вот уже дверь открыта ровно на столько, чтобы я могла выглянуть в коридор.

Взглядом ш-ширк туда-сюда – никого. Пусто! Однако мне видно, что купе проводницы открыто. Неведомо, там она или нет, но рисковать, проверяя, не стану: спиной вперед бегу в противоположный конец вагона. Вот я в закутке около туалета. Прежде чем взяться за ручку двери тамбура, снова озираю коридор. Пусто, по-прежнему пусто! Мне везет.

Выскакиваю в тамбур, не без ужаса смотрю на скачущие под ногами, то смыкающиеся, то размыкающиеся железяки, откуда дышит стужей и мазутом. Колеса стучат, поезд замедляет ход, но бежит еще довольно быстро. Мне,

наверное, придется прыгать на ходу… если удастся самой открыть дверь в тамбуре, конечно. А если нет, то лучше бы отбежать за несколько вагонов подальше. И как только поезд остановится во Владимире, сразу дать деру по перрону, не вступая в объяснения с проводницей…

Что за черт? Я хватаюсь за ручку двери, ведущей из тамбура в следующий вагон, дергаю, рву ее – она не поддается. Такое впечатление, что заперта.

Почему? Почему она заперта? Ловушка?

Да потому, что за ней вагон-ресторан, вдруг осеняет меня. Ну конечно – у меня же восьмой вагон, дальше должен находиться девятый. А вагон-ресторан почему-то всегда располагается именно между этими двумя!

Бог ты мой… Какая жалость, что в фирменных нижегородских поездах не поощряется ночная жизнь и ресторан уже закрыт!

И что получается? Получается, мне некуда деваться, только идти вперед…

То есть назад. Возвращаться в свой вагон, ждать, когда поезд остановится, и уж тогда осуществлять рывок по перрону, надеясь на то, что проводница не сразу соберется меня хватать. А даже если и соберется – ну, я уж как-нибудь вырвусь, заору благим матом, начну звать милицию. Может, и прорвусь.

Если повезет. Если очень, безумно повезет!

Хорошая мысль. Осталось решить, где пересидеть все это время, оставшееся до прибытия во Владимир. Возвращаться в свое купе мне не хочется… нет, я просто не могу вернуться туда! Помнится, когда садилась еще в Нижнем, обратила внимание, что чуть не половина вагона пустует. Вот здесь вроде бы ехали два каких-то типа братана, здесь дама моих лет – такое ощущение, из «новых русских», с брезгливым выражением хорошенького личика, немножко похожая на американского кокер-спаниеля. Отсюда вроде бы выходил какой-то заморенный очкарик, напоминающий бухгалтера крупной, богатой, но скучной фирмы. Еще была какая-то толстая тетка в черном, но я ее не разглядела. Да вот и все! Как минимум три-четыре купе должны быть пусты. Я осторожно дергаю все ручки подряд – не поддается ни одна. То ли излишне осторожничаю, то ли проводница заперла свободные. Скорее всего… То есть прятаться мне негде.

Неужели придется все-таки возвращаться к нему?

– Девушка, вы кого здесь ищете? – слышу низкий голос сзади.

Меня словно молния прошивает от неожиданности.

Медленно оборачиваюсь, проклиная себя за то, что не накинула капюшон. С другой стороны, в капюшоне, вся такая скрытная и таинственная, я выглядела бы еще более подозрительно. Воришка, которая хочет пошарить по купе…

Встречаюсь взглядом с плотным невысоким мужчиной. У него темные волосы, темные глаза, густая щетина на лице, отчего щеки кажутся какими-то грязными, и черные усы. На нем синий форменный китель железнодорожника. Неужели начальство какое-то? Ревизор, может? Ну и внешность у него! Скорее его можно принять за поездного грабителя, а не за ревизора! А впрочем, какое мне дело до его внешности? Я размышляю: не поднять ли крик прямо здесь и сейчас? Не отдаться ли на милосердие ревизора, как я собиралась отдаться на волю милиции?

Сама не знаю, что меня останавливает. Может быть, мысль о непременной цеховой солидарности? Этот железнодорожник скорее поверит проводнице вагона, чем мне – что бы она там ни наплела, эта зараза! Поэтому я удерживаю ужасные признания на кончике языка и говорю самым что ни на есть безразличным голосом:

– Свое купе ищу. Я выхожу во Владимире, вот в туалет сбегала на дорожку…

Сама не знаю, к чему я добавляю эти интимные подробности.

– И какое же купе вы ищете? – спрашивает меня ревизор, или кто он там, своим мягким, приветливым голосом.

У меня падает сердце. Еще одно выражение, которое раньше казалось только фигурой речи. Зато теперь я вполне понимаю его смысл – физический смысл!

– Какое купе?.. Третье.

– Да вот же оно, – берется он за ручку двери. – Что ж его искать, если вы рядом с ним стоите?

– А, ну да, – бормочу я, тоже хватаясь за ручку.

Происходит мгновенная необъявленная война. Он пытается открыть купе. Я пытаюсь не дать ему сделать это. При этом мы неотрывно смотрим друг на друга, и я могу наблюдать, как в его темных глазах, только что безразличных, вдруг разгорается легонькая усмешка. Да и усики топорщатся в ухмылке. Довольно ехидной, надо сказать!

– У меня почему-то создалось впечатление, что вы совершенно не желаете вернуться в свое купе, – говорит он негромко. – А у тебя, Лара, нет такого впечатления?

Лара?! На какой-то миг мне кажется, что он назвал Ларой меня, с кем-то перепутав. Вспыхивает мгновенная надежда… но тут же и гаснет, стоит ему отвести глаза и уставиться на кого-то, находящегося за моей спиной.

Оборачиваюсь, уже почти зная, кого увижу.

Точно… она, эта драная пергидролевая кошка с синяками вокруг глаз. «Страшная, страшная…» Да уж! Проводница внушает мне не просто страх, а ужас! Меня трясет от одного ее вида!

– Сойти во Владимире хотите? – спрашивает она почти ласково. – Да пожалуйста, без проблем. Хотите – сойдете. Мы поможем, да?

И тут я перестаю ее видеть. Нет, она никуда не делась, эта чертова Лара, – просто мое лицо зажала чья-то широкая рука.

Чья-то! Да это рука того ревизора, или кто он там! Небольшая, но очень сильная ладонь запечатывает мне не только глаза, но и рот. Да еще каким-то образом зажимает между средним и указательным пальцем мой нос. Теперь я ничего не вижу, не могу издать ни звука, не могу дышать.

Потом он со страшной силой, временами даже поднимая над полом, влечет меня по коридору.

– Быстро! – слышу я его напряженный голос. – Дверь!

Я ощущаю дуновение жара и краешком сознания определяю, что меня протащили мимо титана. Стук двери – и сразу холодно, запах стужи и угля. Мы в тамбуре. Что-то гремит, клацает… порыв ветра… они открыли дверь вагона!

Я догадываюсь, что сейчас произойдет, но эта догадка нисколько не помогает мне. Я просто ничего не в силах сделать для своего спасения, настолько крепок захват. Рука сползла с моего лица, теперь меня держат за плечи и вывернутые назад руки. Вижу тьму, тьму… вижу промельки света… свет несется словно бы наперегонки с поездом…

Страшный толчок в спину! Меня с силой вышвыривают из тамбура. Черная мгла летит в лицо, успеваю подумать: «Сейчас примета сбудется. Я умру!»

И все… и все кончается для меня.

D-x-NV

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПОЛУЯНОВА МИХАИЛА МАРКОВИЧА

(продолжение)

Расшифровка видеозаписи.

– Итак, мы остановились на том, что вы погрузили в багажник колесо и, читаю, «порулили в Ольгино». Что произошло, когда вы там оказались?

– Да я там не оказался.

– Почему? Что случилось?

– Ну, я, значит, двинул через Автозавод. Когда я уже его миновал…

– То есть вы ехали в объезд, через мост, который ведет к поселку Окский, а не по городу? Почему?

– Мне велел так ехать Буса. Я не знаю почему, он не объяснял, а я не спрашивал.

– Вам не показалось странным, что вас заставляют делать такой крюк ради какого-то колеса?

– Нет, а что? В городе вечно пробки, у нас же как снегопад, так по центральным улицам не проедешь, потом на проспекте Гагарина всегда на светофорах качаешься. А через Автозавод отличная дорога, мост вообще просторный, а что долго, так еще неизвестно, где короче ехать.

– Итак, мы остановились на ваших словах: «Когда я уже его миновал…»

– Что?.. А, ну да. Когда я его проехал и скоро должен был повернуть к мосту на тот берег, зазвонил мобильник.

– У вас есть мобильный телефон?

– Нет, я его грохнул недавно, в смысле, уронил по пьянке, а новый не купил. Мне Роман дал свой на время поездки, сказал, вдруг что-то изменится, не в Ольгино надо будет ехать, а куда-то еще. Он велел, чтобы я телефон положил в «бардачок» и не трогал без надобности, пока тот не зазвонит. И вот он зазвонил. Это был Роман, он сказал, что в Ольгино ехать не надо, чтобы я от моста повернул сразу не налево, к городу, а направо, на заправку, и там остановился. Чтобы сделал вид, что у меня возникли проблемы с колесом и я будто достаю запаску.

– Вы не спросили его, в чем дело?

– Спросил. Он ответил, что у них там какая-то накладка с временем, поэтому им удобнее забрать у меня колесо возле Доскина. Я сказал, что все сделаю, и поехал, куда мне велели.

– А у вас не возникло удивления, что вокруг какого-то несчастного колеса столько суеты?

– Нет.

– То есть вам в этой истории ничего не казалось странным?

– А что тут странного? Мало ли у кого какие приколы, верно?

– И вам не хотелось посмотреть на колесо поближе, рассмотреть его получше?

– Да нет, а зачем? Какое мое дело?

– То есть вы уверяете, что ехали всю дорогу не останавливаясь, не открывали багажник, не трогали колесо?

– Нет, я спешил, зачем время терять?

– Хорошо, предположим. И что было потом?

– Ну, я поехал, куда мне велели, подрулил к заправке и только встал там, как ко мне подъехали Буса и Ромка. Мы сняли с «мерса» одно колесо, взамен поставили то, которое я привез, а снятое положили ко мне в багажник, и Буса сказал, что он даст мне еще сто баксов, если я опять сгоняю к тому же гаражу и там его оставлю. Я согласился, только спросил, когда он со мной расплатится. Он пообещал, что Роман даст мне деньги, как только колесо будет в гараже. После этого мы с Бусой попрощались, сели с Романом в мою тачку и опять поехали через мост на Автозавод и в Сормово.

– Куда поехал Буса?

– Этого я не знаю. Когда мы уезжали, он погнал «мерс» к колонке – видимо, хотел заправиться.

– Вы не спрашивали у Романа, что значит вся эта история?

– Спрашивал. Он ответил, чтобы я не задавал глупых вопросов, если хочу иметь стабильный и хороший заработок. Я подумал, что и правда лучше помалкивать, что не мое это дело.

– Когда вы получили оговоренную плату?

– Как и договорились, когда доставили колесо в гараж. На этот раз мы просто въехали во двор, Роман позвонил по мобильнику, сказал, мы тут, и из подъезда вышел тот мужик, открыл гараж, мы положили туда колесо и уехали.

– Как Карташов обращался к неизвестному мужчине? Как его называл?

– Никак. Просто сказал: «Мы тут». И все, отключился.

– А когда Роман вам описывал того человека, инструктировал для первой встречи, он этого мужчину как-то называл?

– Да вроде нет… Просто говорил: «Будет мужик такой толстый, небритый…» Хотя он меня предупредил, чтобы я не опаздывал ни в коем случае, а то, говорит, шеф уйдет. Ну, я думаю, он это в шутку сказал. Дядька никак не был похож на шефа.

– Когда этот человек появился, они здоровались с Романом?

– Нет. Ни слова не сказали ни тот, ни другой. Мужик достал колесо из багажника, сам закатил его в гараж, закрыл на замок, а потом пошел домой.

– То есть у вас создалось впечатление, что он живет в том же подъезде, из которого вышел?

– Ну да, а как иначе? Он так быстро вышел, может, живет на первом этаже, я не знаю.

– Вы можете более подробно описать этого человека?

– Ну я уже говорил… Он такой не слишком высокий, примерно с меня, где-то метр семьдесят или метр семьдесят два, но полный, плечи покатые, пузень… в

смысле, животик есть. Но сильный, это сразу видно, колесо от «мерса» не самое маленькое, он его одной левой таскал. На нем была вязаная спортивная шапочка серая, из-под нее сзади черные волосы торчали, на щеках щетина, под носом усы. Правда, он в основном прятал лицо в шарф, но, в общем-то, я его разглядел.

– Вы могли бы опознать этого человека при встрече?

– Не знаю, наверное.

– Посмотрите, на этих фотографиях его нет?

– Определенно нет. У него черные глаза с мешками под ними, вот что я еще запомнил. Может, с печенью что-то? Или с почками? Странное впечатление произвело на меня его лицо. Какое-то немытое. Не знаю, почему мне так показалось.

– Я сейчас задам вам два вопроса, которые уже задавал прежде. Но мне необходимо выслушать ваш ответ еще раз. Итак, вопрос первый: вас в самом деле не удивили ни странная, подозрительная работа, для выполнения которой вас привлекли, ни чрезмерно высокая оплата, ни обстановка явной секретности, в которой вам пришлось работать?

– А что такого?

– Отвечайте на вопрос, пожалуйста.

– Ну я уже говорил, что мне ничего странным не казалось. И подозрительным тоже.

– Вопрос второй. По пути на место встречи с Бусой вы ни разу не останавливались, не смотрели на колесо, которое вас попросили отвезти?

– А чего на него смотреть? Что я, колес не видел? Короче, не смотрел.

– И последний вопрос. Как вы расстались с Романом Карташовым?

– Нормально. Он попросил довезти его до площади Горького, сказал, что пойдет в тренажерный зал. А я поехал домой. Вот и все.

* * *

– Справочная уже не отвечает, – с досадой произнес Валентин, швыряя трубку. – Чего ж ты хочешь? Третий час ночи! Нормальные люди давно спят. Может, пойдем и мы наконец, а, золотко? Ну сколько можно искать вчерашний день, не понимаю! Мне все-таки завтра, вернее, сегодня, работать, а вечером в Москву ехать!

– Ага, – рассеянно отозвалась Валентина, сидевшая на полу, среди разбросанных черно-белых фотографий. – Бли-ин… Ну у кого может быть телефонный справочник с личными номерами, а?

– У Володьки есть, – зевнул Залесский. – Точно, есть. Но его самого дома нету.

– Вечно его нету, когда нужен до смерти! – рассердилась Валентина. – Но как же быть, а? Я до утра не до-живу.

– Да что ты можешь сделать, скажи, пожалуйста? – простонал муж. – Ну, позвонишь этому своему Олегу Пластову, и что ты ему скажешь? Напомнишь боевое прошлое в деревне Пильно? Выразишь сочувствие? Думаешь, ему после такой трагедии будет до совместных приятных воспоминаний? У него сейчас есть заботы поважнее, можешь мне поверить.

В голосе его прозвучали непривычно раздраженные нотки, и Валентина воззрилась на мужа не без изумления:

– А ведь ты ревнивец, Залесский!

– Может, я и ревнивец, – рявкнул муж откровенно зло, – а ты… я вообще не знаю, кто ты. У человека жуткая трагедия, у него сын погиб страшной смертью, да на фиг ему это надо – слышать твой прочувствованный голос?! Уже месяц прошел или даже больше, у него только-только начала рана затягиваться, а тут ты влезешь невесть откуда. Тем паче – в такое время, когда все нормальные люди спят или пытаются уснуть. И вообще, я тебе удивляюсь, золотко. На твоих глазах

сегодня девку молодую убили, жестоко убили – беременную, твою пациентку, тебе этот ненормальный опер чуть ли не уголовщину шьет, а ты хоть бы хны, девчонку даже не вспоминаешь, хотя у тебя вон на шубе и рукавичках кровь ее, я же видел. А ты вдруг вцепилась в воспоминания столетней давности, хочешь тряхнуть стариной – не знаю зачем. Не нужны Пластову ни соболезнования твои, ни мемуары, понимаешь ты это или нет?

Валентина сидела, не поднимая головы, покорно слушая отповедь мужа и вяло перебирая фотографии. Вот точно такая же фотка, как та, что напечатана в газете. Она ее сразу узнала. Сделана фотография именно что сто лет назад… вернее, шестнадцать – на дне рождения Олега, который они отмечали в татарской деревне Пильно, куда Валя Залесская (нет, в ту пору еще Кукушкина!) приехала на практику после мединститута. Она была просто счастлива увидеть Олега Пластова, который кончал лечфак двумя годами раньше. Они были мельком знакомы в институте, но тут, в этой богом забытой татарской глуши, встретились как самые родные и близкие люди. Для Валентины Олег был и наставником, и гидом, и переводчиком, он да его первая жена Роза Шарафутдинова, которую он в Пильно нашел – там и потерял: Роза умерла от родов. Валентина тогда лежала со сломанной ногой на вытяжке. Сорок пять суток пяткой к потолку, в гипсе! Врагу не пожелаешь. Роды у Розочки принимал совсем молодой врач, неопытный… Его вины в смерти Розы и ребенка не было, но долгие годы потом Валентину не оставляла мысль, что, окажись она на месте этого неловкого мальчишки, Розу удалось бы спасти. Они были такими друзьями в те годы! Казалось, их невозможно разлучить. А смерть разлучила… После отработки Валентина вернулась в Нижний совсем другая – с седой челкой (кроме смерти Розы, многое там еще произошло, что хотелось забыть и не вспоминать) и такая худая, что юбку вокруг себя можно было обернуть дважды, только на булавках и держалась. А потом долгие годы ей снился один и тот же сон: как она, только что приехавшая докторша, ничего не знающая, ничего еще не понимающая, идет по деревне от больницы к почте. На крыльце почты стоят татарки в своих ярких платках и мягких чувяках, которые Валентине сначала казались ужасно странными, и только потом она расчухала, какая же это удобная обувь! Стоят, значит, татарки и смотрят на Валентину, бормоча между собой: «Маэм, маэм…» Валентина ничего не понимает, но улыбается им во весь рот. А сама думает: ну что я улыбаюсь, как дура, может, они меня костерят на все лады! И вдруг раздается ласковый, чуточку усталый голос Розы: «Дурочка, да они же тебя хвалят, нравишься ты им, понимаешь?» Почему-то этот простой, даже очень милый сон доводил ее до таких слез, что с трудом удавалось успокоиться.

Валентина только-только вышла из больницы, еще с палочкой передвигалась, когда Олег уехал из Пильно. Отвел сороковины по жене и вернулся в Нижний. Краем уха от общих знакомых Валентина изредка слышала, что Олег живет нормально, снова женился – на женщине с ребенком. Рассказывали, что приемный сын у него – очень толковый парнишка, а жена вроде больная, но живут они дружно… Они больше не виделись все эти годы, да, по сути дела, Валентина почти не вспоминала старого друга, но сейчас казалось – спать не сможет, если не поговорит с ним, если не скажет, до чего же потрясена случившимся!

А может быть, Валька-зануда прав? И нужны эти выражения соболезнования только ей? А Олегу они вообще ни к чему? Может, Валентинин звонок его вовсе не утешит, а только напомнит о старой боли – неведомо, утихшей или нет, потому что он очень сильно Розу любил, безумно, и горевал так, что едва не погиб от тоски по ней. И надо же было случиться, чтобы в квартире его приемного сына, ставшей могилой молодого парня, уцелела именно эта старая фотография! Роза давно в могиле; Олег вторично похоронил родного человека… Ничего себе! «Будем надеяться, что хотя бы эти красивые девушки избежали в своей жизни бед и потрясений, которые не обошли стороной ни самого Олега Пластова, ни его семью!» – так написано в газете. Очень страшно, между прочим, написано… По сути дела, только она, Валя Кукушкина-Залесская, одна из всех троих пока что обходилась в жизни без серьезных бед и потрясений. Но разве не потрясение: наткнуться на эту статью, на эту фотографию в кабинете опера, который допрашивал ее по поводу жестокого убийства молоденькой девушки!

Неужели Валька не понимает, как задело жену сегодняшнее смешение этих трагедий?

Ой, ладно придираться к хорошему человеку. Валентин и так чуть жив, бедняга. Совсем отупел от происшествий, которые на него обрушились. Небось всерьез трясся, что товарищ Комзаев вдруг возьмет да и отправит его любимую женушку на нары!

– Ладно, солнышко, – пробормотала Валентина со всей возможной в такое время суток, после таких пертурбаций, супружеской нежностью. – Ты прав – пора спать, родной мой. Иди ты первый в ванную, а я тут все пока соберу, ладно?

Потрясенный ее покладистостью, Залесский замер было, потом сверкнул на Валентину, можно спорить, повлажневшими от умиления глазами и на рысях, пока своенравная дама не передумала, понесся включать газовую колонку.

Да что уж тут думать-передумывать! Некогда уже. Завтра к восьми на работу. Если сегодня Валентина работала в вечернюю смену, то завтра придется выходить в утреннюю. И первые больные, конечно, припрутся ровнехонько к восьми, и с первых минут рассядется по стульчикам-диванчикам в коридоре длиннющая очередь, и никто даже знать не захочет о том, какие потрясения пережила накануне доктор Залесская.

Сколько там, на часах? Мама дорогая! Три! Хоть бы немножечко поспать перед тем, как снова полдня смотреть в телевизор!

Пардон, конечно. Кто-то не знает? Гинекологи называют «телевизором» смотровое кресло. Они ведь все жуткие циники, гинекологи, – что женщины, что мужчины. Особенно женщины! На эту тему Олег Пластов когда-то острил, насчет полного отсутствия романтики у Валентины, и радовался, что Розочка у него педиатр, то есть еще сохранила какие-то детские, романтические иллюзии насчет отношений полов…

Зазвонил телефон.

Мгновение Валентина тупо на него смотрела, недоумевая, кто может возникнуть среди ночи, потом схватила трубку:

– Алло?

– Валентина? Это ты? – спросил мужской голос.

И она, дура, была до такой степени зациклена на мыслях об Олеге Пластове, на воспоминаниях о нем, что заорала как ненормальная:

– Олег! Это ты, Олег?

Воцарилось затяжное молчание, потом чрезвычайно вежливый голос растерянно проговорил:

– Ради бога, извините за такой поздний звонок. Я, видимо, номером ошибся. Спокойной ночи, извините меня еще раз, пожалуйста.

Послышались гудки.

– Бли-ин… – протянула Валентина, несколько раз не сильно, но все же чувствительно ударяя себя по голове. – Ну не блин ли, а? Это ж Володька Долохов звонил! Наверное, приехал домой, увидел со двора, что у нас свет горит, и решил отметиться. Что он обо мне подумает, интересно знать?!

Да, интересно… Небось Долохов решит, что ненароком проник в тайну ветреного девичьего сердца своей соседки, и будет мучиться вопросом, как с этой тайной стыкуется существование Вальки Залесского, его наипершего и наилепшего корефана.

И Валентина поспешно принялась накручивать номер долоховского квартирного телефона, чтобы как можно скорей загладить дурацкое недоразумение. Однако в ответ услышала череду бесконечных гудков: к телефону никто не подходил. Зато в трубке как минимум дважды раздались характерные щелчки, означающие, что кто-то пытается прозвониться на их номер по межгороду. И тут наконец-то до Валентины доехало: так ведь Долохов небось не абы куда подался, а в командировку отбыл. И сейчас звонит оттуда друзьям и соседям по какому-то, надо полагать, неотложному делу.

Положила трубку – и тотчас телефон разразился звонками.

– Алло, Володька, это ты? – завопила Валентина.

– Ну, я, – отозвался знакомый долоховский голос, как ей показалось, с некоторой предосторожностью. – Слушай, я тут…

– Ты извини, я просто ждала звонка от одного друга, то есть это не мой друг, а Валькин, но Валька в ванной, вот я и схватила трубку, как ненормальная, понимаешь? – начала Валентина залатывать прорехи в своей репутации.

Чего там! Нынче даже девственную плеву вовсю латают, вновь делают из гулящих девок невинных девиц, так что как-нибудь и репутацию удастся спасти.

– Ага, значит, вы еще не спите? – Голос Долохова явственно повеселел.

– Пока даже не ложились, – сообщила Валентина.

– Вот и ладненько, тогда я не буду извиняться, что разбудил и все такое, – хмыкнул этот нахал. – А теперь ты мне Валю к трубочке позови.

– А я тебе уже как бы и не нужна? – обиделась Валентина. – Прошла любовь, завяли помидоры?

– Сначала суровые мужские игры, но до тебя, моя черешня, тоже дойдет черед, – нетерпеливо бросил Владимир. – Да позови ты наконец Вальку, слышишь?

Что-то у него там горит, догадалась Валентина. Причем горит настолько сильно, что привычное балагурство кажется наигранным, как бы обязаловкой, призванной лишь успокоить Валентину. Однако чует ее сердце, что потом придется-таки поволноваться.

Она передала трубку мужу, который вышел из ванной уже в пижаме, благоухая «Новым жемчугом», а сама никуда не пошла: снедало любопытство. Интересно, что там за мужские игры?

Судя по выражению Валькиного лица, игры были какие-то непонятные. И в то же время очень серьезные, потому что его откровенная растерянность постепенно сменилась не менее откровенным испугом. А впрочем, тут же лицо мужа стало настолько равнодушно-замкнутым, что Валентина поняла: от нее сейчас что-то будут скрывать. Главное, во все это время Валька не проронил ни слова – наверное, Долохов нарочно попросил, чтобы он воздерживался от комментариев: знал, что жена друга будет их подслушивать.

Валентина это и делала. Ловила выражение мужниной физиономии (ряд волшебных изменений милого лица!) и терялась в догадках.

– Володь, ты уверен… – разомкнул наконец губы Валька, но тут же стиснул их покрепче, выслушивая новую тираду соседа. – Хорошо, я все понял. Но это часа четыре как минимум, ты отдаешь отчет… Конечно, может быть, встретимся и раньше, если с дорогой все в порядке. Ну ладно, не будем загадывать. Все,

выезжаю. До встречи!

Валентин медленно опустил трубку на рычаг, постоял немного, хмуря лоб, но, такое впечатление, не досадливо, а просто-напросто сосредоточенно, и наконец-то взглянул на ошеломленную жену. И начал расстегивать пижамную куртку.

Тут у Валентины прорезался голос.

– Куда ты собрался, Христа ради! – воззвала она с таким изумлением, что Залесский, как ни был озадачен, невольно ухмыльнулся:

– Не я, золотко. Мы. Это мы с тобой собрались срочно выехать на помощь боевому товарищу.

– Что-о? – возопила Валентина, положительно не веря ушам. – Мы? Едем? Сейчас?! И далеко?! Зачем?!

Валентин объяснил – гораздо более коротко, чем это делал Долохов. Наверное, кое о чем он умолчал, кое-что пропустил. Но Валентине хватило и этого немногого, чтобы понять главное: на завтрашний прием она придет, не поспав нынче ночью ни единой минуты.

Если вообще придет, конечно…

Картотека

«НОЧЬ ЛЮБВИ ЧРЕВАТА…

Вчера в Пятую градскую больницу среди ночи ввалился перепуганный мужик с дамой на руках. Дама (завернутая в простынку, под которой и нитки не оказалось!) не подавала признаков жизни. Мужик был изрядно пьян, одет весьма условно: в футболку, плавки и ботинки на голые ноги. Видимо, в его автомобиле (открывавший ему больничную дверь охранник обратил внимание, что у визитера весьма побитая «копейка») хорошо работало отопление. А может быть, он находился в состоянии такого шока, что и внимания на холод не обратил.

Да уж, шок имел место быть, и какой! Мужчина плакал слезами, натуральными слезами, и умолял спасти Катюшу. Врачи приемного отделения, сердца у которых, по меткому определению одного из них, «давно обросли шерстью», были искренне растроганы горем супруга. Правда, сочувственно поджатые губки медсестер порою расплывались в улыбках, а иногда барышни и вовсе не могли сдержать хохот, особенно когда сей человек начинал стенать и вопить, приговаривая: «Спасите Катюшу! Не могу поверить, что наша любовь станет причиной ее гибели!»

Постепенно, в ходе ненавязчивых расспросов и случайных обмолвок, выяснилось, что это вовсе не любящий супруг привез полечить свою обмершую в процессе исполнения супружеских обязанностей половину. Оказывается, мэн подвозил даму, голосовавшую при дороге, затем снял свою случайную попутчицу (или она его, это уж как угодно!), пригласил к себе домой. Ну, выпили, то-се, как принято выражаться. И завалились в койку. Однако в середине приятного процесса дама вдруг начала задыхаться, хрипеть, забилась в судорогах, изо рта у нее пошла пена… Любовник стал тормошить партнершу, даже щекотал ей пятки, поскольку в процессе любовной игры успел выяснить, что она боится щекотки. Все было напрасно! Тут наш герой смекнул, что дело плохо, завернул даму в первую попавшуюся под руку простынку и ринулся искать медицинской помощи на собственных колесах, рассудив, что «Скорую» можно и не дождаться. А может быть, в нем сработал элементарный инстинкт самосохранения. Ведь врачам «Скорой» стал бы известен его адрес, теперь же страстный любовник-убийца (может быть, и невольный!) остается безвестным следствию.

Я не сказал еще? Ну так вот! Лишь только стало понятно, что налицо гипертонический криз и первые реанимационные меры не дают эффекта (а может статься, не дадут и последующие!), как чел в трусах сообщил, что ему срочно понадобилось в туалет. И проследовал в том направлении. Однако в приемный покой он больше не вернулся. Кстати, если кто-то убежден, что налицо некое чудо (к примеру, персонаж этой трагикомической истории просочился в канализацию), он ошибается. Как показал охранник, крайне встревоженное существо мужского пола рысцой пробежало к «копейке», село за руль и уехало в неизвестном направлении. Номера «копейки» охранник (разумеется!) не заметил. Цвет вроде бы синий. А может, зеленый. Или мокрого асфальта – не исключено, кстати, что и вишневый. То есть наш Казанова в желтых трусах канул в неизвестность! Да, единственная точная его примета – ядовито-желтые трусы. Эту примету почему-то зафиксировали поголовно все. К трусам оказалось приковано внимание как женского (понятное дело!) персонала

приемного покоя, так и мужского (а вот это поневоле наводит на некие размышления).

Неизвестной величиной в этой истории остается и дама, усопшая во время приятного времяпрепровождения (см. фото). Ее приметы: рост 164 см, вес около 80 кг, волосы рыжие, тело усыпано веснушками, на лице их нет. Черты лица правильные. К числу особых примет может быть отнесено то, что собственные брови у дамы практически отсутствуют, а на их месте – не более чем татуировка. Таким же образом обведены контуры век. Плачущий партнер по сексу называл ее Катюшей, однако далеко не факт, что это ее подлинное имя. Если кто-то узнает сию особу на посмертной фотографии, просьба сообщить по телефону 02, или в приемный покой Пятой больницы, или в редакцию нашей газеты».

Из газеты

«Жизнь нашего города»

* * *

Да, все могло сложиться иначе, успей он проскочить раньше поезда, или, наоборот, задержись на переезде чуток, или не вздумай спрямить путь и проехать по знакомому зимнику вместо шоссе, или просто смотри он в другую сторону, когда мчался параллельно железной дороге, параллельно поезду Нижний – Москва, причем двигаясь какое-то время с равной с ним скоростью!

Нет, Долохов совершенно не жаловался на судьбу. Напротив, благодарил ее. Все-таки не каждый день выпадает такое потрясающее событие, как жизнь человеку спасти. В буквальном смысле слова. Ведь что с ней сталось бы, с этой бедолагой? Замерзла бы в сугробе, это как пить дать. И если бы даже пришла в сознание, что бы она делала? Куда подалась бы? Где искала бы помощи? Вообще хватило бы у нее сил добраться до дороги?

Он сбросил скорость, обернулся к заднему сиденью и мельком глянул на свою невольную попутчицу. Конечно, в сознание она не скоро придет, но, насколько Долохов смог установить при беглом осмотре, «повреждений, несовместимых с жизнью», как пишут в милицейских протоколах, у нее нет. Руки-ноги целы, голова тоже, лицо не повреждено. Ну, волосы были забиты снегом, но теперь

снег растаял, волосы уже просто влажные. Ей повезло дважды, этой незнакомке: во-первых, поезд уже сильно-таки сбросил скорость на подступах к городу, во-вторых, она угодила при падении в сугроб. Если бы та сволочь, которая ее столкнула, вернее, сбросила с поезда, спустилась чуть ниже по ступенькам, женщина упала бы на насыпь и пострадала сильнее. Может быть, вовсе разбилась бы или даже оказалась затянутой под колеса. Но сволочь явно боялась свалиться сама, поэтому так и вышло, что жертва угодила в сугроб, наметенный под насыпью. И провалилась туда чуть не с головой, Долохов ее с трудом вытащил. Да и пробрался он к ней с трудом, сам то и дело утопая в глубочайшем снегу. И его почему-то не оставлял при этом страх, что вот-вот из темной дали, куда умчался состав, вдруг появится свет, раздастся грохот, поезд вернется задним ходом, и из восьмого вагона (каким-то чудом он успел – не номер заметить, конечно, и не порядок посчитать, а успел зафиксировать то, что вагон находился перед рестораном, стало быть, был восьмым) выскочит тот мужик (вышеназванная сволочь!) и ринется прямиком по сугробам – отыскивая свою жертву. Быть может, он успел заметить, что жертва упала удачно, а значит, может остаться жива, очухаться, добраться до людей, поднять тревогу…

Бред это был, конечно: ну как может вернуться поезд?! Но ведь он будет стоять во Владимире на запасном пути целый час. И если убийца хоть на миг усомнится в том, что прикончил эту женщину, он вполне может найти машину, поехать вдоль линии железной дороги и довести свое черное дело до логического завершения… Звучало это, мягко говоря, не очень правдоподобно и осуществимым вот так, запросто, не казалось, а все же Долохова подстегивало невероятно, заставляло ломиться прямиком через тальник, не искать удобной тропинки (да и кто бы их протаптывал тут, эти тропинки?!), вынуждало спешить изо всех сил. Найдя женщину, он только бегло убедился, что жива, оттащил (на руках нести было невозможно по таким снежным завалам, да и тяжеленькая она оказалась, эта долговязая жертва поездных злодеев!) к своему джипу, затолкал ее на заднее сиденье и погнал к городу, изредка оглядываясь, приостанавливаясь, проверяя, как она там, дышит ли.

Дышала. Но в сознание не приходила. И до сих пор не пришла, хотя уже два часа миновало после случившегося. Черт, ей бы врача, конечно… Ничего, скоро появится врач! Хотя его пришлось добывать, словно джинна из бутылки. Причем бутылка покоилась на дне совершенно другого моря, не того, на берегу которого стоял сам Долохов.

Это выражаясь фигурально, конечно. Но вот такие выходили нынче сказки тысячи и одной ночи…

В его собственных планах все пошло наперекосяк после того, как он подобрал эту бедолагу.

Он ведь думал, будет как?

Домчится до вокзала, сразу сообщит в милицию о том, что видел. И убедит ментов пройти к поезду, чтобы задержать человека в форме железнодорожника, который находится в восьмом вагоне. Странно, конечно: Долохов смотрел на эту сволочь несколько мгновений, а увидел и запомнил довольно многое. В частности, то, что сволочь была в форме. И он вроде бы разглядел еще и очертания женской фигуры позади этого мужика. Возможно, и проводница была в курсе дела…

Кстати, в том, что Долохов увидел так много, как раз не было ничего невероятного, ему не единожды приходилось убеждаться, насколько обостряется механическая, вернее, фотографическая память в моменты сильных потрясений. А то, что он испытал, иначе, чем потрясением, назвать нельзя. Многое пришлось ему в жизни повидать, но эта сцена… сцена преднамеренного, хладнокровного убийства женщины!..

К счастью, все это оказалось только покушением на убийство. Сорвалось дело!

Короче, он собирался сообщить обо всем в милицию, потом отвезти неизвестную женщину в больницу, ну а затем заняться своими делами. И сначала действовал в соответствии с этими планами. Он поставил машину неподалеку от входа в вокзал, еще раз поглядел на свою пассажирку, запер дверцы и вбежал в здание. Поезд, надо полагать, уже высадил своих пассажиров и отошел на запасной путь. И человек, которого Долохов должен был перехватить во Владимире, наверное, вздохнул свободно. Уверился, что от него окончательно отвязались. Решил, что именно он на этом свете самый хитрый, самый умный и самый крутой. Небось спокойно спит теперь на своем пятом месте, в своем восьмом вагоне.

Забавное совпадение, кстати, насчет восьмого вагона. Может быть, он что-то видел или слышал? Может, он даже сможет узнать того злодея в форме? Ну что

ж, надо полагать, милиция подробно допросит всех пассажиров. Разбудит их среди ночи и допросит… То есть в Москву этот скользкий тип прибудет уже должным образом взбудораженным. А тут его и встретит Долохов. И эта пакость поймет, что его неприятности не кончились, а только начинаются!

Как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Зал ожидания был пуст, это понятно, и ни одного мента там, против обыкновения, не наблюдалось. Долохов немного помотался по залу, потом свернул в боковой коридор, где, по его расчетам, вполне могли оказаться такие необходимые вокзальные атрибуты, как медпункт, комната матери и ребенка, а также линейный отдел милиции.

Он обнаружил не только искомое, но также парикмахерскую и кабинет начальника вокзала, миновал все ненужные вывески и, стукнув в дверь отделения милиции, сунулся туда.

Но тотчас замер на пороге, увидев, кроме четырех парней в милицейской форме, худенькую женщину в куртке, наброшенной на китель проводницы.

Все разом обернулись к Долохову и уставились на него – сказать, что уставились неприветливо, значит совершенно ничего не сказать.

– Вам что? – сурово спросил один милиционер, а второй рявкнул нетерпеливо:

– Подождите за дверью!

Долохов повиновался. Надо отметить, что никогда, даже в армии, он не подчинялся приказам с такой готовностью! А если по правде – с облегчением. Что-то было в обведенных нелепыми синими тенями глазах проводницы невыразимое… Долохову стало здорово не по себе, когда он встретился с ней взглядом. Разумеется, он совершенно не рассмотрел проводницу, маячившую позади железнодорожника, который выталкивал из тамбура женщину, спасенную Долоховым, однако лицо вот этой проводницы, стоявшей в милицейском кабинете, разглядел отлично. У него была отменная память на лица, он мог заранее сказать, что прежде никогда этой изможденной тетки не встречал, а если бы встретил, то непременно запомнил бы ее. О таких говорят: со следами былой красоты. Видимо, и впрямь была когда-то красавица. Похожа на звезду немого кино, а может, 30-х или 40-х годов, когда в моде были такие полубезумные, очень нервные лица. Впрочем, сейчас о ней совсем другое можно

сказать: краше в гроб кладут. Накрашена так, словно проделывала это в темной комнате, нарочно повернувшись к зеркалу спиной. Сущее пугало. Но самое страшное в ней – выражение глаз. Совершенно мертвые.

Странно, что это ничуть не насторожило ментов. Вид у тетки такой, словно она только что сбежала из вытрезвителя, не приняв положенных процедур. А они внимают каждому ее слову, как будто перед ними Катерина Андреева с последними теленовостями!

А что она там изрекает, кстати? Долохов приник ухом к двери кабинета, оставшейся приоткрытой, и начал слушать. Вернее, ловить долетавшие до него обрывки разговора.

– Конечно, прежде всего надо вынести труп так, чтобы никто не заметил. Если пассажиры… Расписание нарушать не…

Это говорит кто-то из милиционеров. Видимо, местное начальство. Голос командирский.

Какое-то время ничего было не разобрать. Потом прорезался вопрос:

– …могла убиться насмерть?

– Поезд промчался слишком быстро, – нервно сказала проводница. – Я не видела, куда она упала.

– Почему не сорвали стоп-кран?

Вопрос прозвучал так отчетливо, словно кто-то приблизился к двери и стал рядом.

Долохов вжался в стену.

– Какой смысл? Станция рядом… если она жива, все равно придет в город, больше ей деваться некуда! – выкрикнула женщина.

– Какие-нибудь ее документы остались?

– Только корешок билета. На нем фамилия – Ярушкина Е. Д., номер паспорта.

– Сумасшедшая баба! – Голос милиционера был полон насмешки. – Ее же найти – делать нечего. Берется убивать – так хоть бы следы толком замела!

– Ой, не знаю, как там все на самом деле было! – Голос проводницы. – Может, она и не хотела его прикончить. Скорей всего, этот мужик к ней полез, она и хватила его бутылкой. А потом испугалась и решила спасаться. Успела одеться, вышла из купе, уже полвагона прошла, но тут меня увидела и потеряла голову. Бросилась бежать, ну и…

– Не исключено, – поддакнул важный мужской голос – тот, с командирскими интонациями. – Звучит очень убедительно.

– Конечно, конечно, она меня испугалась, – зачастила проводница. – Если б я знала, что она станет со ступенек сигать, я б к ней и близко не подошла. Я ж не думала, что так получится! И уж, конечно, не догадывалась, что у меня в третьем купе труп!

– Хорошо, успокойтесь, – раздался командирский голос. – Что случилось, того уже не исправишь. Сейчас я вызываю бригаду, экспертов и все такое. Вы купе хоть заперли, чтобы туда никто не мог войти?

– Заперла, – отозвалась проводница. – А как же! Никто ничего не знает. Только поезд остановился, я сразу к вам побежала.

– Ладно, пошли, ребята! – послышалась команда, и, если бы Долохов за секунду до этого не отшатнулся к противоположной стене, его запросто могли бы застать на месте преступления – подслушивающим под дверью.

Удрать из здания вокзала он уже не успевал. Мелькнуло мгновенное искушение скрыться за коридорный поворот, однако Долохов понимал, что это было бы глупостью. Кто-нибудь из ментов, выйдя на привокзальную площадь, мог бы поинтересоваться его машиной, которая, правда, стояла на стоянке и все такое, но все же… Увидели бы женщину, лежащую на заднем сиденье. Что, если бы это стало известно проводнице, которая мигом опознала бы беглянку?

Наверное, Долохов перебарщивал в своих опасениях, даже наверняка перебарщивал, и все же ничего не мог с собой поделать. После того, что он сейчас услышал…

– А, вы еще ждете? – хмуро спросил лейтенант в куртке внакидку. – Что вам?

Долохов изо всех сил старался смотреть только на него и выглядеть максимально возможным идиотом:

– Да так, ничего. Мы тут с женой автомобилем ехали из Нижнего до Москвы, да что-то приустали в дороге. Вот и решили заночевать. Не подскажете, где ближняя гостиница приличная?

– Приличная не ближняя, приличная как раз дальняя. Вы на машине, значит? Документики покажите, – сурово сказал лейтенант.

Долохов подал паспорт. Заметил, как проводница зыркает на него, и постарался отвернуться от ее тяжелого, странного взгляда.

Неужели эти парни не видят, как она дико выглядит? Или относят это за счет шока, который она якобы испытала, увидев, как какая-то женщина выбросилась из поезда, а потом найдя в своем вагоне труп?

Да уж, кто угодно будет в шоке. Парни ведь не знают, что она врет!

А впрочем, почему врет? Что, если эта заморенная жизнью тетка и в самом деле ни при чем? Ведь ту беднягу вытолкнул из вагона какой-то мужчина. Могло статься, что вовсе не эта проводница маячила за его спиной!

Возможно, так оно и есть. И зря Долохов так против нее настроился с первого взгляда. Но что он может поделать с непонятной опаской, с тревогой, которая заставляет его держаться настороже? А он привык доверять своей интуиции!

– А где же ваша жена? – поднял глаза от его паспорта лейтенант.

– В машине. Спит.

– У вас отметка о браке не стоит, – заметил лейтенант.

– Ну и что? – огрызнулся Долохов. – У нас гражданский брак. Это вроде бы не запрещено законом?

Если сейчас лейтенант захочет проверить документы «жены», Долохову придется довольно хило…

– Да ради бога, живите как хотите, – великодушно позволил лейтенант. – Я к тому, что в гостинице вас в один номер не поселят. Ну, это уже не мои проблемы. Поднимитесь наверх, в город, гостиница «Золотые ворота». Мимо не проедете.

Подавив вздох облегчения, Долохов схватил протянутый ему паспорт и, обгоняя оперативников, ринулся через зал ожидания на крыльцо. Придерживая дверь, оглянулся и увидел, что все пятеро вместе с проводницей вышли на перрон и повернули куда-то налево.

Особенно наблюдать за ними Долохову было некогда. Оставили его в покое – и ладно. На рысях домчал до своего джипа, вскочил внутрь, перегнулся к женщине, все так же неподвижно лежащей на заднем сиденье. Послушал, как она дышит (тихо, неровно, но все же дышала, и на том спасибо!), завел мотор и вывел джип с вокзальной площади на крутой подъем к центру города. Несмотря на ту лапшу, которую он вешал на уши менту, Владимир-град Долохов более-менее знал, гостиницу «Золотые ворота» видел не раз, когда проезжал через центр, а также ему было известно, где находится переговорный пункт, работающий круглосуточно. Туда он сейчас и держал путь.

Это решение пришло мгновенно, практически бессознательно – единственное верное решение. Стоило ему услышать, что выдает в милиции проводница, как он понял: ему здесь уже делать нечего. Тем более – его бесчувственной пассажирке…

Да, история! Ну, он влип – классно влип! Значит, речь идет об убийстве, которое совершила эта русоволосая особа? Как они ее там называли? Ярушкина Е. Д.? Карманов Долохов у нее не проверял, слишком спешил доставить ее в милицию. А теперь он сам торопится оказаться как можно дальше от ментуры…

Получается, убийц двое? Ярушкина – и некий железнодорожник? Она приложила в своем купе какого-то слишком настойчивого ловеласа, ну а человек в форме железнодорожника за это «помог» ей на полном ходу покинуть поезд… Однако в милиции уверены в другом!

Если бы Долохов своими глазами не видел, как железнодорожник вытолкнул из тамбура эту женщину, да еще ногой поддал ей в спину, он бы тоже поверил рассказу проводницы. В голосе ее звучала искренняя тревога. Честно говоря, голос у нее просто дрожал от беспокойства! И трудно сейчас определить, то ли эта особа и в самом деле в шоке от того, что произошло в ее вагоне, да еще тревожится за жизнь незнакомки, сиганувшей с поезда. То ли, совершенно наоборот, боится, что та жива! Ведь если она не погибла, то может показать, что не сама прыгала – ей очень ретиво помогли сделать это.

С другой стороны, кто первым встал, того и тапки. Проводница первой обрисовала происшедшее в самом выгодном для себя и очень убедительном свете. Она уже создала мнение, которое будет работать на ее версию. И хоть от этих вокзальных ментов, по большому счету, ничего не зависит в расследовании, сейчас главное, что они дадут знать всем постам: следует начать розыск высокой русоволосой женщины в серой дубленой куртке, черных брюках и черных сапогах на высоком каблуке. То есть именно той, которая лежит сейчас на заднем сиденье долоховского джипа.

Он обернулся на ходу и бросил любопытный взгляд на ее бледное лицо.

Убийца, значит. Ну-ну…

И менты с Владимирского вокзала, и все прочие, кому проводница сообщит о случившемся, будут убеждены: какого-то мужчину в третьем купе восьмого вагона экспресса «Ярмарка» прикончила искомая Ярушкина Е. Д. И все предыдущие и дальнейшие события они будут толковать, исходя именно из этого посыла. Однако ни один из этих простых ребяток даже не додумался спросить у проводницы: почему она так уверена, что убийство пассажира совершила Ярушкина Е. Д.? Почему сообщала об этом столь убежденно? Видела сам процесс? Каким образом в ее рассказ затесалась фразочка: «Успела одеться, вышла из купе и даже полвагона прошла, но тут меня увидела и потеряла голову. Бросилась бежать. Я за ней…»

Судя по этим словам, проводница встретила Ярушкину на полпути к выходу из вагона. Почему же стала ее преследовать? Ведь якобы не знала, что перед ней убийца («Я еще не знала тогда, что у меня в третьем купе труп»)! Дальше – насчет того, что Ярушкина успела одеться. Почему проводница убеждена, что убийство произошло, когда эта женщина была еще раздета? Опять же – видела процесс своими глазами? Тогда почему не помешала злодейке? Почему не подняла страшный шум, не вызвала немедленно поездную милицейскую бригаду, а явилась в вокзальное отделение сама? Судя по ее словам, ни один человек в «Ярмарке» не знает о случившемся? Откуда такая потребность как можно дольше сохранять происшедшее в тайне от всех в поезде – кроме вокзальных ментов, которым можно скормить уже готовую к употреблению версию?

В принципе Долохов понимал, что на его вопросы можно легко найти убедительные ответы. Тайну случившегося проводница хотела сохранить потому, что опасалась паники и скандала. Поездную охранную бригаду не вызвала либо по этой же причине, либо просто не доверяла ей – по каким-то неизвестным обстоятельствам. О том, что пассажирка успела одеться, сказала, просто размышляя логически: ведь люди спят даже в поезде относительно раздетыми, а тут вдруг женщина оказалась в куртке, в сапогах. Преследовать ее проводница начала, вполне возможно, оттого, что приняла за ночную воровку, которая шастает по купе и грабит спящих.

Если даже у вокзальных оперов и возникали сомнения, то они наверняка объяснили себе все эти несуразицы именно так. Странно только, почему никто из них не спросил: да неужели беглянка так запросто смогла открыть запертую на особый ключ вагонную дверь, чтобы выпрыгнуть? Или проводница – по рассеянности, что ли? – забыла ее замкнуть? Или у этой Ярушкиной был ключ? Кстати, а почему бы и нет?..

«Все, все объяснимо с точки зрения логики, – рассеянно подумал Долохов. – Кроме одного: я сам видел, как женщину выбросили из вагона».

И этот факт разом опровергал все прочие. Если проводница врала в главном – значит, ей нельзя верить ни в единой мелочи.

Замкнутый круг!..

Так, вот и ночной переговорный пункт. В нем пусто, сквозь огромное окно видна дежурная, которая дремлет, положив голову на сложенные руки. Эх, жалко, придется будить.

Разумеется, у Долохова был мобильный телефон. Лежал в «бардачке» – выключенный вот уже который день. С некоторых пор он не рискнул бы позвонить по своему мобильнику даже в бюро погоды. Во-первых, синоптикам нельзя верить: они, как и саперы, ошибаются только один раз, зато ежедневно; во-вторых, у него были основания предполагать, что его пасут с помощью мобильника. Пеленг постоянного сигнала – забота для профессионалов никакая. Особенно в этом рейде. Нет, его пасут не конкурирующие фирмы, не шпионы, не враги. Свои же ребята, по заданию которых и работает Долохов. Ну что ж, слишком серьезная идет игра – и слишком несерьезный персонаж задействовали сценаристы для достижения успеха. Несерьезный персонаж – он, Владимир Долохов, но его нимало не напрягает такая аттестация. Пускай хоть горшком называют, только в печку не сажают. Тем паче что это правда. Ну кто из настоящих, серьезных ребят по пути на важнейшую операцию занялся бы спасением прекрасной дамы, попавшей в беду?!

Кстати, насчет прекрасной дамы – не более чем фигура речи. Пока она шибко прекрасной Долохову не показалась. Честно говоря, он ее толком даже и не рассмотрел. Кстати, а не пора ли поближе познакомиться с ней, подетальнее?

Долохов огляделся. Вон тот двор с полутемной арочкой очень подойдет для знакомства.

Он загнал джип под арку, заглушил мотор. Громче зазвучала музыка. Любимое «Радио 7 на семи холмах». Одна из любимейших песен – Марк Алмонд, «A lover spend». Очень красивая песня, даром что английский так и остался у Долохова где-то на уровне средней школы. Lover – любовник, это понятно, а что такое spend? Впрочем, сейчас это не суть важно. Тихонько, без слов, подпевая, достал фонарик. Расфокусировал свет, направил рассеянный луч на бледное лицо. И тихонько присвистнул: кажется, его находка начинает приходить в себя. То лежала с безучастным, неподвижным лицом, с закрытыми глазами, а сейчас глаза хоть по-прежнему закрыты, но веки стиснуты, брови нахмурены, губы подрагивают. Точно, сознание возвращается к даме! Недаром же она вздрогнула, когда его руки расстегнули «молнию» куртки и сначала легко, потом гораздо настойчивее пробежали по ее телу…

D-x-NV

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА КУЛИКОВА НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА

(окончание)

Расшифровка видеозаписи.

– Расскажите, как происходила встреча с начальником агентства.

– Ну, я пришел к «Спутнику» пешком, потому что надоело все время в тачке мотаться, а живу я недалеко, на Славянской. Около киношки уже топтался Ромка, он меня увидел, подбежал, сказал, чтобы мы сели в белую «Ладу», которая тут стояла. Я, когда увидел машину, подумал, что это как-то слишком просто, потом посмотрел на мужика за рулем, и у меня вообще все опустилось.

– Опишите этого человека.

– Ну, он такой… примерно среднего роста, довольно полный, с покатыми плечами, черные волосы, заросшее щетиной лицо, в черном свитере был. Усы небольшие. У него очень сильные руки, я заметил, пальцы как железные, когда он со мной здоровался, я просто обмер. Больно было. Но вообще мне как-то стало не по себе, я подумал, сейчас они меняувезут на фиг, похитят, а потом бате отрезанное ухо пришлют и скажут: выкладывай чемоданчик «зеленых» в мелких купюрах, или мы твоему сынуле еще что-нибудь отрежем. Но тут мужик протянул мне несколько листочков на компьютере, это была распечатка услуг, которые они оказывают. Я стал читать, но сначала не поверил глазам. Главное, он что-то перепутал и сперва дал мне прайс-лист тех услуг, которые они предлагают для женщин. Я подумал: ну, у меня, наверное, крышняк съехал. Потом-то все выяснилось. Ну, я прочитал и никак не въеду, что все это правда. Спрашиваю его, а как это все совмещается с УК Российской Федерации. Он сказал, что их фирма зарегистрирована как частная медицинская клиника, что все эти их прибамбасы проходят как психотерапевтические реабилитационные мероприятия. Я подумал: ни фига! И вот это – психическое реабилитационное, спрашиваю? И показываю на один пунктик, весьма прикольный, который назывался «Лифт». Он говорит: да. И это, спрашиваю? А сам показываю на пункт «Лунная ночь». Все в порядке, сказал он, не волнуйтесь. Меня такой смех

разобрал, просто не мог остановиться. Потом говорю: а можно для начала что-нибудь попроще? Типа «Гороскоп»? Нет проблем, ответил он, пятьсот до, пятьсот после – но что не так покажется, если не понравится, вторую половину можете не платить.

– Чего пятьсот? Рублей?

– Каких рублей, вы что? В смысле, извините… нет, не в рублях, там все цены только в у.е.

– Вам не показались эти цены высоковатыми?

– Да нет, «Гороскоп» – самая простая штука, в общем-то, безделка. Так что, наоборот, цена была довольно низкая. «Лунная ночь» стоила уже две тысчонки, «Чердак» вообще три. «Калитка» – тоже три. Я припоминаю теперь цены только тех «мероприятий», в которых сам участвовал. Конечно, эта лавочка была для очень богатых людей.

– Роман тоже бывал с вами на мероприятиях?

– Я знаю, он участвовал кое в чем, у них это было как бонус для сотрудников, а я так понял, он там типа зазывалой работал, рекламным агентом, что ли. Мы с ним один раз совпали в «Лунной ночи». В августе. А вообще я с ним не виделся практически.

– Почему? А в тренажерном зале?

– Да я перестал туда с ноября ходить. У меня что-то стало с суставами, артрит обострился, я вообще в ужасе просто, такое ощущение, что с палочкой стану ходить теперь. Ничего не помогает, никакие лекарства! Ну, я и не появлялся там. Если мне надо было с Ромкой связаться, я ему просто звонил на мобильник, ну, он все устраивал.

– Что именно?

– Связь с агентством. Они ведь не принимали заказы от кого попало, только через своих агентов типа Ромки. А им, агентам этим, я уже сказал, шел какой-то

процент особый. Именно поэтому Ромка не бедствовал. В принципе у них там довольно строгая была конспирация, я до сих пор не знаю, где их офис. Вся подготовка происходила всегда в машинах, на которых нас вывозили куда надо. Причем, я так понял, машины были наемные, это не парк агентства.

– Скажите, а вот вы разыскивали Романа, звонили ему – ведь мы именно так засекли вас, – потому что хотели еще раз попросить его устроить вам «мероприятие», да?

– Ну да.

– А какое на этот раз?

– «Чайник».

– Понятно… Так, теперь вот что. Вы упоминали про девушку. Что это за девушка? Тоже зазывала, вроде Ро-мана?

– Нет, она была как бы старшая по званию. Она конкретно выводила несколько групп, например, нас на «Лунную ночь», женщин на «Съемки». Я это точно знаю, слышал как-то их разговор с Романом. Он был у нее в подчинении, вообще пикнуть при ней даже не смел.

– Как ее звали?

– Люда.

– Опишите ее.

– Ну, такая не очень высокая, довольно плотная, крепенькая, с черными волосами, черноглазая, смуглая. Грубоватая, но очень деловая.

– По этим приметам она напоминает мужчину, которого вы описали как директора агентства. Может быть, они родственники?

– Да кто их разберет, я не знаю. Я их рядом не видел.

– А вы потом встречали случайно в городе кого-то из своих, так сказать, коллег?

– Вроде да. Одного мужика в тренажерном, кажется, видел.

– Вы никогда не обсуждали между собой случившееся?

– Думаю, что никому такое и в голову прийти не могло. Мы все люди взрослые, прекрасно понимали, что клиника клиникой, прикрытие прикрытием, а то, что мы делали, все равно не очень нормально. Это же подсудные дела, по большому счету! Я один раз прочел заметку в газете… там со смертельным исходом была прикольная ситуация… и подумал: а вдруг кто-то из клиентов нашего агентства навернулся?

– То есть вы все сознавали противоправность своих действий? Тогда почему продолжали их вести? Почему продолжали прибегать к услугам Романа?

– Да вы что? Мы уже не могли бросить. Это уже как наркотик стало. Я вон Ромку не могу найти, так у меня натуральная ломка наркотическая идет. Мне просто не хватает чего-то. Вообще без этого все стало не так!

– И как же вы теперь квалифицируете работу агентства? Вы в игры для взрослых играли или совершали незаконные действия?

– По-моему, мы делали то и другое.

– Вы сказали, что пристрастились к участию к «мероприятиях», как к наркотику. Вы уверены, что Роман больше никогда не предлагал вам ни попробовать наркотик, ни участвовать в его передаче или распространении?

– Нет, никогда и речи об этом не шло. Я же сразу сказал Роману, что ни в чем таком участвовать не буду.

– Когда-нибудь упоминалось при вас Романом Карташовым или кем-либо другим наркотическое вещество D?

– Нет, никогда.

– Какое-либо другое?

– Никогда.

– Как вам кажется, у Карташова были дружеские отношения в тренажерном зале с кем-нибудь еще, кроме вас?

– Он иногда разговаривал с какими-то парнями, но я не в курсе насчет их отношений. Более или менее дружен он был с нашим тренером, Костей Меркуловым. Иногда, насколько мне известно, Роман его даже ждал, они вместе шли домой.

– У вас есть какая-то информация, пользовался ли Меркулов услугами агентства?

– Этого я не знаю. Но думаю, вряд ли. Костик парень осторожный, по-моему, он риска не любит. Да и с деньгами у него вроде бы не так чтобы очень. А впрочем, ничего не могу точно сказать.

* * *

Валентина уже успела забыть, когда работала с медсестрой. Все время приходилось вести прием одной. И чем-то жертвовать: то ли все писать куда и как положено в ущерб пациенткам, то ли больше времени уделять людям, но вызывать на свою голову проверочные громы и молнии. Сегодня от этого метания от журналов и карточек к разнообразным дамам и обратно просто плакать хотелось. Голова разламывалась, Валентина с трудом соображала, путалась в привычных формулировках. Полегче стало только часам к одиннадцати, когда в кабинете УЗИ, куда она сопровождала больную, обратили внимание на заморенный вид доктора Залесской и угостили ее кофе. Валентина обычно старалась пить его как можно меньше, сердце берегла, да и давление ни к чему провоцировать, а тут ухнула две чашки двойной крепости, с тройной дозой сахару – и наконец-то стала воспринимать мир осмысленно.

Все-таки совсем не спать невозможно, да еще после такого безумного дня, какой она перенесла вчера. Ночная же гонка ее натурально доконала. Когда они с мужем ехали на встречу с Долоховым, Валентину трясло от неизвестности, возвращались обратно – трясло от беспокойства: во что это их впутал дорогой

сосед? История, им рассказанная, казалась совершенно невероятной. Сброшенная с поезда особа, убийство в купе… Какой-то детектив!

Детективов – и житейских, и литературных – Валентина однозначно не любила, книг этого жанра не читала, однако за истекшие сутки умудрилась стать чуть ли не основным персонажем целых двух детективных историй. Почему она не любила детективы-книги? Да потому, что их авторы обладают совершенно неудобоваримой для нормального человека логикой. Они делают умозаключения на основе фактов, которые до поры до времени остаются неведомы всем, кроме них, а потом обрушивают на читателя вывод, выдернув его, как шулер выдергивает козырную карту из рукава. Такое ощущение, что все они смотрят на читателя как на идиота, свысока, заведомо не давая ему даже намека на будущую разгадку. А потом кичатся догадливостью какого-нибудь следователя, который гадал на кофейной гуще, но делал при этом математически выверенные выводы! Валентина терпеть не могла, когда ее заранее держали за дуру. Владей она теми же сведениями, которые, оказывается, были известны главному герою (героине), она еще раньше вычислила бы истинного преступника!

И потом, она терпеть не могла дурацких совпадений, которыми так и кишат детективы. Герой спасает незнакомку, влюбляется в нее, а после выясняется, что именно для ее убийства его нанял кровавый наркобарон, потому что она единственная обладает информацией, которая способна разрушить его империю! Женщина утешает незнакомую плачущую девушку, но через две секунды та падает, убитая неведомо откуда прилетевшей пулей, а в ее кармане сердобольная особа находит бумажку с телефоном… своего собственного мужа, майора уголовного розыска с Петровки, 38! В самолете садятся рядом и совершенно случайно знакомятся два парня, потом, уже на земле, один другому спасает жизнь, а затем оказывается, что именно спаситель стоит на пути спасенного к огромному наследству. Никто другой! Следовательша уходит от подозреваемого, которому ей очень хочется пришить дело, – уходит, уже готовая признать собственную несостоятельность, как вдруг, остановившись застегнуть «молнию» на сапоге (или почесаться, или высморкаться, или совершить еще какое-нибудь столь же необходимое дело), слышит разговор, полностью подтверждающий ее подозрения, и более того – открывающий место нахождения исчезнувшего трупа, похищенных детей или украденных бриллиантов!

Валентина, помнится, читала в газете интервью с какой-то местной нижегородской писательницей. Та утверждала, что детектив – это искусство

совпадений. Валентина тогда скептически усмехнулась, подумав, что барышня просто ищет себе легкого пути в жизни, как, впрочем, и многие авторы презираемого ею жанра. В жизни таких безумных совпадений не бывает, а литература, пусть даже и детективная, все-таки призвана отражать действительность!

Правда, вчера вечером Валентина сама была изумлена тем, что наткнулась на свою старую фотографию во время допроса… Но это не совпадение, а случайность! Такие случайности вполне уместны как в жизни, так и в литературе. Никто ведь не упрекает Льва Толстого из-за того, что смертельно раненного князя Андрея привозят именно в тот дом, где остановились уехавшие из Москвы Ростовы и Наташа видит и узнает его. Это – случайность. Вполне оправданная неразберихой и суматохой войны. А история, в которую втравил их с мужем Долохов…

Сущий детектив, словом!

Валентина неодобрительно покачала головой. Главное, свалил им на руки эту беспамятную особу, дал ключи от своей квартиры, велел разместить даму там, сторожить ее – и немедленно умотал в Москву: у него якобы срывается сверхважная встреча. Обрушил на голову Залесских целый ворох совершенно невероятных, противоречивых сведений – и был таков.

Валентина попыталась возмутиться, однако взглянула на спутника своей жизни – и невольно прикусила язык. Такого удалого, залихватского выражения на Валькином лице она давным-давно не видела! Он словно бы мгновенно стал совершенно другим человеком. Некую постепенно просыпающуюся удаль Валентина уловила в нем, еще когда они неслись в ночи на встречу с Долоховым. Даже перестал ворчать, что вечером в Москву ехать, а отдохнуть не удается (в поезде Залесский вообще не мог спать). А уж когда они помчались обратно, увозя на заднем сиденье своей «Нивы» бесчувственную женщину, Валентине вообще показалось, что тихий супруг превратился в какого-то биоробота, созданного ради того, чтобы гнать по шоссе со скоростью сто восемьдесят кэмэ в час, сосредоточенно стиснув зубы и не отрывая глаз от дороги… но при этом порою расплываться в мальчишеской улыбке.

Любая другая жена на месте Валентины ощутила бы некие ревнивые подозрения. Типа: что-то мужик нездорово воодушевился ради какой-то таинственной незнакомки! Но Валентина никаких ревнивых позывов не ощутила,

потому что сроду дурой не была и твердо знала, что ее Залесский – однолюб. Он был преисполнен счастьем отнюдь не потому, что спасал эту женщину, а просто потому, что спасал кого-то. И еще помогал товарищу, исполнял его приказ. Видимо, ему этого жутко не хватало, то есть приказов, с изумлением подумала Валентина и впредь решила спрятать женскую слабость в карман и разговаривать с Залесским исключительно с позиции силы и с командирскими интонациями. Стоило ей это понять, как мгновенно вспыхнувшая неприязнь к незнакомке сошла на нет, и она стала оглядываться на заднее сиденье с искренним беспокойством, почти уверенная, что Долохов перестарался с мерами безопасности. Еще там, «на точке рандеву», когда странную даму выгружали из одной тачки и запихивали в другую, Валентина спросила у Владимира:

– Она что, так и не приходила в себя с тех пор, как ты ее подобрал?

Долохов помолчал со странным выражением лица. Валентине показалось, что он сконфужен.

– Да ты понимаешь, – пробормотал наконец он, – я собрался ее обыскать, ну, карманы проверить, документы посмотреть. А она как раз в эту минуту взяла да очнулась. И уж не знаю, чего там себе навоображала в полубреду, но начала орать и отбиваться. Пришлось ее приемом вырубить.

– Что-о? – чуть ли не в ужасе протянула Валентина. – Вырубить? Приемом? А словами ты не мог объяснить, что и как? Просто успокоить ее и все рассказать?

– Да времени не было, – простодушно сказал Долохов. – Я должен был срочно вам позвонить, вызвать на эту встречу. Мне же еще в Москву мотать! К тому же я боялся: вдруг сейчас какой-нибудь мент свалится на голову… не выпутаешься потом. То есть я бы как-то выпутался, а ее бы уж точно замели по подозрению в убийстве.

– А ты не думаешь, что это подозрение основательно? – спросила тогда Валентина, но, выслушав короткое и категоричное долоховское «нет», она больше никаких вопросов не задавала, приняв как данность – пусть и раздражающую данность! – что надо, как это сделал Валька, подчиниться приказу. Тем более что у Долохова имелись-таки основания подобные приказы отдавать и ждать от Залесских повиновения. В том смысле, что они были перед ним в изрядном долгу, и хотя он в жизни не напомнил бы о необходимости этот

долг отдавать, но сами обстоятельства подвели Залесских к этому.

Дело в том, что буквально два месяца назад Долохов вытащил рыжего студиозуса Максима Залесского, сына Валентина от первого брака, из очень крупной неприятности. Валентин давно жил отдельно от прежней семьи, но отцовские обязанности с плеч не сбрасывал, помогал бывшей жене и сыну чем мог – порою, на взгляд Валентины, даже больше, чем мог, но у нее хватало ума не критиковать мужа. Проблема же Максима была если и не стара как мир, то, во всяком случае, достаточно тривиальна для нашего времени. Парень пристрастился к наркотикам. Пока что на иглу не сел – кололся от случая к случаю, ради куража. По счастью, ситуацию вовремя распознали и взяли под контроль. Обнаружив у Максима в ящике для белья пластиковый пакет, в котором лежало два маленьких, свернутых из клетчатых тетрадных листочков кулечка, а в них – какой-то белый порошок, мать сначала удивилась, а потом вспомнила расплывающиеся глаза сына, его несвязную речь и странное поведение, на которое раньше не обращала внимание, – и смекнула, что держит в руках. Она похитила опасный пакет и побежала к мужу с призывом о помощи: «Ты отец или не отец?!» Родители Максима устроили экстренное совещание. Залесский потребовал, чтобы к участию была допущена и Валентина, поскольку положение слишком серьезное. По той же причине она предложила призвать на помощь Долохова.

Результат превзошел все ожидания. Долохов обещал поговорить с Максимом и на другой же день увез его «покататься за городом». Когда парень вернулся, триумвират «отец-мать-и-мачеха» едва не рухнул в один общий обморок: на сынуле места живого не осталось. Избит был Максим качественно: очевидно, Долохов придерживался сугубо традиционных методов воспитания. Что характерно, парень хоть и стонал и скрипел, но не жаловался. Первым оборвал раскричавшихся мать и мачеху, а в ответ на проницательный взгляд отца только смущенно кивнул и сказал, что все улажено. Однако это не убедило возмущенных женщин. Долохов выслушал их истерические вопли, хмыкнул и ушел к себе, а утихомиривать жен пришлось Залесскому.

– Вы головами думать умеете? – укоризненно промолвил он. – Прикиньте, ведь этот пакет не сам по себе к Максимке попал, верно? Он его у кого-то взял. Если просто так тому распространителю наркоты сказать, что пакет пропал, надо или деньги платить (а это, барышни, тысячи, которых у нас нет!), или голову добровольно на плаху положить. Наркотики – штука смертельная… Обратиться в милицию – во-первых, с Максимкой лет на десять проститься, ибо дело тянет на

статью 228, часть 4 УК. Это означает приобретение наркотического вещества в особо крупном размере с целью его использования и распространения. А так – парня избили, наркоту отобрали…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду латинское выражение, приписываемое средневековому философу Фоме Кемпийскому: Sit transit gloria mundi – Так проходит земная (а не мирская, как думает Алена!) слава.

Купить: https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/damochka-s-fantaziey

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить